

A movie poster for 'Cosmic Symphony' (Ойкумена). The background is a deep space scene with a blue and purple nebula and bright starlight. Three characters are depicted in a dynamic, floating pose. On the left, a character with a dark, metallic, helmeted head and a black suit with red accents holds a futuristic blaster. In the center, a man with dark hair, wearing a bright orange jacket and a grey cape, looks towards the viewer. On the right, a character in a red and white suit with a cape is shown in a dynamic pose. At the bottom, a large, glowing yellow eagle head is visible. The title 'ОЙКУМЕНА' is written in large, white, serif letters, and 'КОСМИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ' is written in smaller, white, serif letters below it.

Генри Лайон
ОЛДИ

ОЙКУМЕНА

КОСМИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ

Генри Лайон Олди
Кукольных дел мастер
Серия «Ойкумена»
Серия «Ойкумена», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158498

*Ойкумена. Книга 3. Кукольных дел мастер: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-24654-0*

Аннотация

Кто он, Лючано Борготта по прозвищу Тарталья, человек с трудной судьбой? Юный изготовитель марионеток, зрелый мастер контактной имперсонации, младший экзекутор, раб-гребец в ходовом отсеке галеры, симбионт космической флуктуации, убийца телепата-наемника. И вот – укротитель безумца-антиса, феникс, сгоревший и восставший из пепла, ужас эскадр ВКС Помпилии, узник орбитальной тюрьмы «Шеол», человек, открывший прямую дорогу в космос. Что дальше?

Вселенной никогда не быть прежней...

[Видео о цикле «Ойкумена»](#)

Содержание

Пролог	4
Часть пятая	13
Глава первая	13
Контрапункт	50
Глава вторая	69
Контрапункт	107
Глава третья	127
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Генри Лайон Олди

Кукольных дел мастер

Пролог

«Рыбы вышли из воды на сушу. Птицы поднялись с земли в небо.

Обезьяна спустилась с дерева, потеряла хвост и стала человеком. Люди выбрались в космос и, задрав носы до небес, насладились собственным величием.

Ничего подобного.

Мы солгали себе, и с радостью поверили в ложь.

Рыба вышла на сушу не заключенной в тюрьме аквариума. Птица поднялась в небо не бескрылой пленницей в клетке самолета. Обезьяна стала человеком не потому, что чесала свою красную бесхвостую задницу, ожидая банана, как милости судьбы. Полагаю, однажды и мы с вами выйдем в космос так, как это нас достойно. Родимся заново, оставив утробу косной матери.

А сейчас давайте хотя бы перестанем лгать.

Это будет наш первый шаг в будущее».

Карл Мария Родерик О'Ван Эмерих, «Мемуары»

Представить себе бесконечность?

Элементарно.

Движение по кругу – и всех трудов. Планета летит по ор-

бите вокруг звезды. Лошадь тащит ворот маслобойки. Танцоры ведут хоровод. Вертится грязь, налипшая на колесо. Человек тащится по жизни: дом-работа-дом-работа-скверпиво-дом-работа... Чистая, незамутненная бесконечность. Правда, в ней нет ничего общего с вечностью. Но, к счастью, остановка в определенной точке круга – это не конец. Это просто остановка. К чему отягощать факт лишними смыслами?

Представить себе вечность?

Проще простого.

Спросите не у разума, а у чувств, и получите ответ. Влюбленный парень ждет девушку у входа в кинотеатр. Ночью разболелся зуб, болеутолитель не помогает, и до утра – мириады веков. Сколько будет жить ребенок? – вечность. Он в этом глубоко убежден. Как долго мы не виделись? – целую вечность. Правда, в ней нет ничего общего с бесконечностью. Но, к счастью, неограниченное множество времени в ограниченном пространстве бытия – это в большинстве случаев абстракция. Образ, символ. И оставим его в покое. К чему отягощать смысл лишними фактами?

Представить себе кого-то, кому интересны эти заковыристые материи?

Увольте, не могу.

Так или примерно так рассуждал один лысый щеголь в шортах и рубашке навыпуск. Он наслаждался дивной ночью, запрокинув голову к двум лунам, прихлебывал из стакана,

и время от времени делал многозначительные паузы, словно ждал, что луны ему возразят.

– Ты прав, – ответили ему. – Никому не интересно. Абсолютно. Думаю, это единственный абсолют, который возможен в нашей Вселенной. Запиши, а то забудешь.

И собеседник лысого, седой первооткрыватель абсолюта, скорчил обезьянью гримасу, с ужасающей точностью копируя макаку в состоянии удовлетворения.

Так он смеялся.

Минут на пять оба старика замолчали. Тутовая водка согревала кровь, остывающую с возрастом. Аромат орхидей навевал приятные мысли о чем-то мягком, добродушном и благосклонном к твоим мелким слабостям. Свет лун тихо лился, подобно слезам радости. Сентиментальность торчала за спинкой кресла, хихикая вполголоса.

Ну и ожидание, куда денешься...

Бездеятельность стариков резко контрастировала с неутомимой хлопотливостью женщины за столиком. Казалось, полк десантников вот-вот нагрянет в гости – столько еды она заготовила, и не собиралась останавливаться на достигнутом. В данный момент хозяйка заворачивала острый фарш в листья винограда, вымоченные особым образом. Вся лужайка насквозь пропахла уксусом, чесноком, гвоздикой, лавровым листом и мускатным орехом. Сложный букет дразнил обоняние. Лысый даже чихнул и с тоской развел руками: дескать, пока жду, слюной захлебнусь!

Седой оказался терпеливее щеголя. Он дымил самокруткой, как если бы желал дешевым табаком заглушить ароматы кулинарии, и кольца сложной формы поднимались над его головой. Дым, вначале сизый, в лучах Розетты с Сунандари окрашивался желтым, потом – зеленоватым, и наконец расточался без следа.

– Хочу есть, – не выдержал лысый.

Хозяйка показала ему кулак и вернулась к работе.

– Очень хочу есть, – настаивал лысый.

Ему показали разделочный нож.

– Очень хочу есть, – сдался лысый, – но не буду. Потому что очень хочу жить. Фелиция, радость моя, у тебя не найдется черствой корочки хлеба? Для любимого мужчины?

– Не найдется, – отрезала радость. – Ты и так толстый. Пей на голодный желудок. Может быть, ты тогда напьешься до поросычьего визга. И отправишься спать, оставив нас с Гишером в покое. Как только прилетят наши, я тебя разбужу.

Ее слова были услышаны небом. В облаках, стаей птиц висящих над домом, раздалось жужжание. Оно приближалось, делалось отчетливей; минута, другая – и крошечный моноплан опустился на лужайку, вспугнув спящего тапира. Это была дорогая машина: «Molnier-Sorane» с вертикальным взлетом и посадкой, кабина «люкс», четыре двигуна, автопилот-мультирежимник... Лишь человек с высоким, а главное, стабильным уровнем доходов мог позволить себе такую игрушку.

Из кабины выбрался худой мужчина средних лет, похожий на хищную птицу. Он с некоторым удивлением огляделся. Его смутила тишина – гость ожидал найти развеселую компанию, проводящую время за дружеской пирушкой. Тапир с возмущением хрюкнул в адрес нахала, и мужчина очнулся, быстрым шагом направившись к веранде.

– Добрый вечер, – поздоровался он, делая вид, что сейчас и впрямь вечер, а не ночь. – Ричард Монтелье, режиссер. Надеюсь, вас предупредили о моем... э-э... визите?

– Да, конечно! – с гостем хозяйка была не в пример обходительней, чем с лысым щеголем. Когда в дом является звезда арт-транса галактического масштаба, да еще и телепат, мигом сделаешься приветливей информателлы. – Располагайтесь, прошу вас! Мы думали, вы прибудете все вместе...

Мужчина развел руками:

– А прибыл я один. Мы договорились встретиться прямо здесь. Извините, я готов обождать в машине...

– Глупости! – безапелляционно возразил лысый. – Какая машина? Сейчас я вынесу для вас шезлонг. Малыш скоро будет. Он всегда опаздывает, с младых ногтей. Мы же с вами выпьем по глоточку, и хорошенько познакомимся. Разрешите представиться: Карл Эмерих, невропаст в отставке. Мы с вами переписывались. Помните?

– Разумеется! Присланные вами голомодели кукол были чудесны. Вся студия восхищалась, а это дорогого стоит. Бо-

гема редко проявляет восторг за глаза. Скорее наоборот. Уж я-то знаю!

Лысый ухмыльнулся.

– Характер богемы, молодой человек, я знаю не хуже вас. Наелся досыта. Уж извините старика за прямоту.

– Да, я забыл, с кем имею дело... Ваш коллега, – Монтелье отвесил вежливый поклон в адрес седого, который не спешил вступать в разговор, – тоже невропаст?

– Нет, – кратко ответил седой. – Я экзекутор. Зовите меня Гишер.

– Просто Гишер?

– Проще некуда. Меня все так зовут. Иногда добавляют: Добряк Гишер. Если мы подружмся, я вам тоже разрешу прибавлять к имени Добряка.

– А вдруг мы не подружмся? – Монтелье сощурился, ведя беседу на грани конфликта. Лишь очень чувствительный к тонкостям зритель сумел бы подметить, что оба собеседника наслаждаются легкой пикировкой, как два мастера-рапириста – сериями выпадов и защит. – Вдруг я вам не понравлюсь?

– Тогда вам придется звать меня так, как записано в паспорте.

– Э-э... Как именно?

– Гишерианнан Ахаханаврак из семьи Йинувье.

– Нет, лучше уж мы подружмся, – вздохнул режиссер, доставая футляр с курительными палочками. Ноздри его

трепетали, ожидая порции дыма. – Готов ради этого подвергнуться экзекуции.

– Вы, кажется, телепат? Прочитайте мои мысли.

– Увы, я не читаю мысли каждого встречного.

– А я не подвергаю первого встречного экзекуции. Эту честь надо заслужить. Вы мне понравились, Ричард. Зовите меня Гишером. А там посмотрим. Глядишь, и до экзекуции доберемся...

– Черные небеса! Какая прелесть! – режиссер мигом забыл о словесном фехтовании, во все глаза уставясь на куклы, развешанные вдоль веранды. – Я подозревал, но в реальности... Это чудо. Голомодель не передает простоты и изящества натуры! Вы даже не представляете, как мы, телепаты, воспринимаем опосредованные символы... Впрочем, я увлекся. Можете что-нибудь показать?

Лысый прошел на веранду и снял со стены марионетку, изображавшую голема в дорогом костюме от Танелли. Почему-то сразу делалось понятно, что это голем. Даже когда кукловод провел марионетку вдоль перил, нарочито подчеркивая утрированную, балетную пластичность красавчика, это мало что добавило к первому впечатлению.

– Не бою-ю-юсь, – запел лысый приятным, хотя и слабым тенором, воспроизводя мелодию из увертюры к балету «Милая Элеонора». – Ничего я не бою-юсь! Я бегаю стометровку-у-у...

Аплодисменты гостя прервали его вокализ.

– Чудесно!

– Ужасно! – с чувством добавила хозяйка.

– Я уверен, – гость сделал вид, что не расслышал комментария. Телепат, не телепат, а гиблое дело: лезть в семейные разборки, – «Zen-Tai» придет в восторг от новой технологии. Хотя разве это новинка? Я читал, в древности были театры, где живой актер играл на одной сцене с куклой... Это правда?

Хозяйка кивнула: правда, мол.

– Мы воспроизведем методику на сегодняшнем уровне развития искусства. Сценарий воплощается с помощью кукол, преломляется в сознании арт-трансеров, оформляясь в художественный пси-образ – и объединяется в режиссерской экспликации, возвышая схему до обобщения... Блеск! Революция в жанре!

– Я рад, – не стал возражать лысый.

Повесив куклу на гвоздик, он отправился в дом: за третьим шезлонгом. По дороге он думал о древности. Не о той, можно считать, свеженькой древности, где актер и кукла играли на одной сцене. Нет, маэстро Карл размышлял о замшелой, первобытной, темной бездне прошлого, память о которой если и осталась, то лишь здесь, на Борго, в глуши космоса – тусклое эхо ушедшего навеки.

Дед Фелиции рассказывал внучке, что кукла не принадлежит к миру живых, но и к миру мертвых – тоже. Промежуток, грань, обоюдоострый нож. Поэтому кукле разрешено

делать то, что запрещено и для людей, и для вещей. Выходить за пределы ограничений, положенных материи. Объединять возможное с невозможным. Каким образом? – зависит от мастерства кукольника.

А еще Карл волновался: почему задерживается малыш?

Часть пятая

Тир и Михр

Глава первая

Судьба любит пошутить

I

Посадка на Тире, в 3-м космопорте Андаганской сатрапии, прошла на удивление обыденно. Энергозапас бота, предназначенного для локальных операций, подходил к концу, но для орбитального маневра и спуска на планету его вполне хватило. Обошлось без драматических эффектов. Не были сирены тревоги, не загорались в воздухе зловещие надписи, не плясали джигу столбики диаграмм; не мигало, нагоняя жути, багровое аварийное освещение.

И хвала небесам!

Чужими проблемами хорошо любоваться в фильмах-катастрофах; но самому оказаться участником событий – благодарим покорно! «Этна», «Нейрам» – Лючано Борготта полагал, что с него космических приключений более, чем до-

статочно. Должно же хоть однажды все пройти тихо и гладко? Так сказать, для разнообразия...

Вообще-то они планировали сесть на Хордаде. Но на вторые сутки полета упрямые веждены, продолжавшие с завидной регулярностью ломиться в персональный канал связи Фаруда, добились своего. Полковник Сагзи отозвался! Хмурясь, выслушал доклад Бижана, от комментариев воздержался, задумался на минуту – и приказал лететь на Тир.

– Ваша жестянка в розыске, – уведомил он напоследок. – Свяжитесь со мной перед выходом на дальнюю орбиту. Я дам новые позывные и коды идентификации. С перепрошивкой блока справитесь?

– Ага, – кивнул трубач.

– Доброго огня!

И Фаруд отключился. О Борготте он не обмолвился и словом. А мудрый Бижан счел за благо промолчать, не тревожа больную тему.

Тир – так Тир. К счастью, планета находилась в системе Йездана-Дасты, где вокруг четы звезд вертелись другие миры Хозяев Огня: Фравардин, колыбель расы, Хордад-побратим – и Михр-мятежник. Существенно менять курс, рассчитанный заранее, не пришлось. Лючано удивился такому стечению обстоятельств: четверка обитаемых планет в одной системе! Но гитарист Заль, как оказалось, не только умелый боец, но еще и эрудит, быстро подвел фундамент под эту уникальность.

– Планеты-двойники, – сказал «Йети», радуясь возможности продемонстрировать знания, полученные в паузах между диверсиями и террористическими актами. – Михр с Хордадом, Тир с Фравардином – каждая пара имеет общую орбиту, двигаясь в единой плоскости, с одинаковыми углами наклона планетарных орбит к эклиптике. «Братья» всегда находятся в противофазе, поэтому «семейные» отношения устойчивы. Мы, Хозяева Огня, отмечены печатью избранности! Всего по паре: звезды, планеты... Отсюда наши врожденные дружелюбие, верность слову и гостеприимство! Соображаешь? – Эй, избранник! – вмешался Бижан. – Иди сюда, поможешь блок ломать...

Дистанционную идентификацию бот прошел успешно: фальш-данные сработали не хуже настоящих. Система опознавания съела, что дали, и не поперхнулась. А Лючано в очередной раз подивился многочисленным талантам агентов спецслужб. Перепрошить «черный ящик» идент-блока без специального оборудования, за сорок пять минут, что называется, на коленке...

Когда он сказал об этом Бижану, тот покраснел от удовольствия.

– Я си-бемоль в третьей октаве чистым звуком беру, – невольно ответил трубач.

Лючано не понял.

Но на всякий случай изобразил восторг.

Воздух вокруг севшего бота тек волокнистыми струйками, искажая перспективу и очертания предметов. То ли корпус не желал остывать, то ли снаружи царила адская жара.

– Лето на дворе! – словно прочтя мысли Лючано, с блаженной улыбкой сообщил барабанщик. – Теплынь... Это тебе не сволочной Тамир!

Вспомнив о снежном «морозильнике», Гив поежился.

– О! За нами приехали.

Действительно, из-за серебристого веретена на паучьих лапах – курьерского челнока брамайнов – ловко вывернул мобиль: темно-серый «Тайяр», похожий на карликового кашалота, по рассеянности выбравшегося на сушу. Не заметив перемены среды, «кашалот» скользил над землей, как в привычной водной стихии.

Серповидный плавник-радар на крыше усиливал сходство.

– За мной! – велел Бижан.

Накинув на плечи трофейную шубу, Тарталья заторопился к выходу вслед за музыкантами.

У трапа ждали двое. Длиннополые кафтаны запахнуты на лево, рукава-крылья плещут на ветру; шапочки из войлока, просторные шаровары на щиколотках стянуты тесьмой. Национальная одежда. А смотрится, как военная форма. Встречающие смахивали на близнецов-двойняшек: смоляные брови вразлет, аккуратные щеточки усов – и казенный интерес, родной брат безразличия, на скуластых лицах.

«Всего по паре, – вспомнил Лючано слова гитариста. В данном случае это звучало с нескрываемым сарказмом. – Дружелюбие, значит, и гостеприимство. Манекены, и те приветливей...»

Левая мочка уха у каждого «манекена» была самую малость больше правой, а нижняя губа выглядела припухшей, как у обиженного ребенка. Это из-за вшитых под кожу «шептунков». Легкая асимметрия совершенно не бросалась в глаза. Лючано и вовсе бы ничего не заметил, но в полете Гив подтрунивал над Залем, который забыл отключить «шептунк» во время какого-то концерта – и чуть не сорвал выступление, когда неприличный комментарий гитариста пошел через усиление на заловую акустику.

«Ты влип, малыш, – констатировал издалека маэстро Карл. – Вряд ли эти близнецы полюбят тебя так же сильно, как малыши-гематры. Учитывая, что на борту „Нейрама“ ты видел много лишнего...»

«Если в итоге всего лишь завербуют, – согласился Добряк Гишер, второе альтер-эго, – считай, отделался легким испугом».

Тарталья промолчал. Он наблюдал, как Бижан, громыхая ботинками, спускается по трапу к двойняшкам. Остальные медлили. Ну, раз Гив с Залем не слишком торопятся в объятия земляков – значит, нам спешить тем более не стоит.

Застенки обождут.

Отвечая на краткое приветствие, двойняшки, будто сго-

ворились, смотрели мимо Бижана. Лючано чувствовал себя мишенью на линии огня. Вот-вот снайпер возьмет прицел, из ствола вырвется разящий луч... Нужен ли он живым? Или парни Фаруда предпочтут не рисковать? Под кафтанам очень удобно прятать оружие. К примеру, «Жаворонки», предназначенные для скрытого ношения. В арсенале у альгвасила хранилась одна такая птичка. Никто во всей Галактике не знает, что он, Борготта – на Тире. Избавиться от тела будет проще простого.

«А мой разрядник остался в боте!»

Он отругал себя за мальчишество. Дурачок, куда тебе, пусть даже с «Тарантулом» в руках, против двух профессионалов?! Застрелят раньше, чем успеешь дернуться. Или гитарист с барабанщиком скрутят: для них-то двойняшки свои, а ты – чужак.

«Это пока мы вместе бежали с Тамира...»

Один из встречающих что-то сказал Бижану на вехд-ар. Барабанщик неторопливо сдвинулся левее, частично заслонив собой Тарталью. Рука гитариста как бы невзначай опустилась в карман. Что там, в кармане – Лючано догадывался. Неужели вехдены готовы прикрывать его?! Защищать от коллег по службе?!

«Иногда люди оказываются лучше, чем ты о них думаешь, малыш...»

Трубач через плечо покосился на Борготту. Затем снова обернулся к двойняшкам и заговорил. Знать бы, о чем

они беседуют! Без «толмача» МОРСа Тарталья опять перестал понимать вехденский. Слова чужого языка извивались в жарком воздухе, шипя потревоженными змеями. Сердце отчаянно стучало в груди. Виски стиснул раскаленный обруч. Перед глазами возникли круги, сплетенные из огня. Сейчас его хватит тепловой удар, и местным даже не придется стрелять...

Он не сразу понял, что трубач приветливо машет ему рукой. Бижан ухмылялся, скаля белоснежные зубы. Все в порядке. Ну конечно, *для вехдена* все в порядке! А для неудачника-кукольника...

– Бывай, приятель! – гитарист от души хлопнул Тарталью по плечу.

– Удачи! Может, еще свидимся...

Это барабанщик.

А Бижан отдал честь, будто прощался с настоящим капралом, товарищем по оружию. И вехденцы пошли к мобиле, который сейчас, гостеприимно подняв дверцы, напоминал не кашалота, а жука с раскрытыми крыльями. Лючано с тупым любопытством смотрел, как пять человек забираются в салон, как жук снова превращается в кашалота, делает плавный разворот...

Он пришел в себя, когда машина скрылась из виду, свернув за ярко-алым цилиндром тирского «дальнобойщика». Их здесь было много: кровавые свечи, хаотично воткнутые в огромный торт посадочного поля.

«Поздравляю, малыш! Ты их не интересуешь».

«Я бы погодил с поздравлениями...» – проворчал Гишер. Лючано огляделся. Никого. Громады звездных кораблей, в отдалении – радужные купола зданий космопорта. Блекло-голубое небо над головой. В зените яростно полыхает шар главного светила. Жаркий воздух течет над полем стеклстым маревом. Теплынь? Куда там – адский зной!

«Градусов тридцать пять по водной шкале...»

Радость, что удалось избежать ареста, угасла. Он один, на чужой планете; фактически – беглый заключенный... Без гроша в кармане: карточка легата утеряна. Одолжить денег у музыкантов забыл, растяпа. А ведь Бижан сам предлагал! И банковский счет заблокирован...

«У тебя есть адвокат. Свяжись с синьорой Вамбугу».

«За какие шиши?! Гиперсвязь денег стоит...»

«За счет вызываемого абонента, малыш».

Ха! Это мысль. Все равно ничего другого не остается.

Спустившись по трапу, Лючано решительно зашагал по желтой указующей линии, вслед за уехавшим мобилем. Поначалу он с интересом рассматривал звездолеты. Сколько ни мотайся по Галактике, в каждом космопорте обязательно обнаружится что-нибудь новенькое. Вот и сейчас: среди «таблеток»-рудовозов, грузовых «гармошек» и остроносых баркентин, оборудованных внешними мачтами с рядами фотонных парусов, Тарталья углядел зеленый кристалл-гигант в ажурной золотистой «оправе».

Изумруд в перстне великанши! Подобное чудо он видел впервые.

«Интересно, кто на таком летает? Небось, какая-нибудь миллиардерша вроде „иридиевой королевы“ Элеоноры д'Або...»

Вскоре чудесный кристалл заслонили другие корабли. Лючано взмок от пота, сообразив, что не удосужился снять шубу. Остановившись, стащил с себя тамирский трофей. Выбросить? Жалко. Хорошая шуба. На спине мех слегка подпален, но если не приглядываться...

«Может, купит кто?»

Кое-как свернув шубу, он уместил ее подмышкой и, придерживая рукой, продолжил путь по горячим плитам.

II

Дежурный администратор у входа в здание уставился на незваного гостя с явной брезгливостью. Он открыл уж было рот, собираясь гнать проходимца в три шеи – но передумал, хмыкнул и демонстративно принялся чистить ногти маникюрным вибро-шильцем.

Тарталья не заблуждался на свой счет. Сомнительное обаяние? Еще более сомнительная внешность? – нет, его выручил старый комбинезон техника. Обнаруженный на боте в захламленной камерке, сплошь в масляных пятнах, комбинезон оказался великоват: штанины болтались, как на дис-

трофике. Но выбирать не приходилось. Рубашка осталась на «Нейраме». Да и брюки, зиявшие прорехами, оставляли желать лучшего.

Вне сомнений, администратор принял Тарталью за одного из здешних техников.

«Пьяницу и бездельника», – не преминул уточнить язва-Гишер.

«Вора и спекулянта! – присоединился к экзекутору добрый маэстро. – Спер у пассажира шубу и тащит продавать, дабы срочно поправить здоровье».

На самом деле оба «внутренних голоса» тихо радовались, что дела идут на лад. Просто боялись сглазить. Они были правы: ближайшие планы действительно упирались в шубу. От раннего завтрака на борту спасбота остались лишь печально урчащие воспоминания. Значит, в первую очередь, надо раздобыть денег на еду. Потом связаться с адвокатшей, которая, возможно, до сих пор на Террафиме.

На более дальнюю перспективу он не загадывал.

Удача еще раз улыбнулась беглецу: он угодил не в VIP-сектор, а в корпус обслуживания пассажиров 2-го класса. Отлично! VIP-ы и «первоклассники» с грязным оборванцем и разговаривать бы не стали. А тут – есть шанс.

Лючано двинулся вдоль холла ожидания, приглядываясь к пассажирам, оккупировавшим кресла и комфорт-ячейки, в поисках перспективного клиента. Брамайнов, обходившихся минимумом одежды, он отверг сразу. Вехдены тоже отпа-

дали: вряд ли шуба с далекого Тамира соответствовала их несокрушимым традициям. На реформистском Михре еще стоило бы рискнуть, но уж никак не здесь, на консервативном Тире.

«С помпилианцами не связывайся, малыш! – предупредил заботливый маэстро Карл. – Оглянуться не успеешь, снова в тюрьму загремишь!»

Взгляд скользил по людям. Вот хохочут студентки-вудуни, открывая пищевые термопакеты – девицы летят на каникулы целой компанией. Зачем им шуба? Клерк-технолог, обремененный многочисленным семейством, вытирает платком вспотевшую лысину. Подойти? Нет, супруга живо поднимет крик. У нее на лице написано: скандалистка. Толстяк-варвар в мятой пиджачной паре, похожий на Кэста Жорина, вертит в руках раритет: антикварное пресс-папье из яшмы...

Любитель редкостей? Возможный покупатель?

Тарталья встретился с толстяком взглядом – и без промедления заторопился прочь. Когда на тебя смотрят, ища повод для драки, а раритет зажат в кулаке на манер кастета, лучше уносить ноги подобру-поздорову!

Тощего гематра он приметил в самом конце зала, уже потеряв надежду. Гематр скучал в ячейке, нахлобучив до бровей шляпу из черного фетра. Клиент? Судя по одежде, не беден, но предпочитает экономить, путешествуя 2-м классом. Реальной цены такой тип за шубу не даст. Хорошо, если

выманием половину.

«Ну и пусть! На обед хватит...»

– Извините за беспокойство, почтенный мар. Не интересуется ли вас шуба?

Шляпа осталась безучастна.

– Натуральный мех, никакой синтетики!

Неужели шляпа чуточку дрогнула?

– Чистый эксклюзив! Не пожалеете!

Гематр холодно уставился на странного коммерсанта. Кажалось, в глубине его зрачков стремительно мелькают нули и единицы: затраты, барыш, риск... Он страдал какой-то глазной болезнью. Веки были красные и припухшие, словно гематр недавно плакал: допущение столь же нелепое, сколь и комичное.

– Промышленное клонирование? – разлепил он тонкие бескровные губы.

– Обижаете! Доставлено с Тамира, специально для знатоков!

С минуту гематр размышлял.

– Шуба меня не интересует.

Он выдержал точно выверенную паузу и продолжил:

– Но сделка может заинтересовать. Если я сочту ее привлекательной.

– Желаете взглянуть?

– Показывайте.

Гематр даже не пошевелился, оставшись сидеть в ячей-

ке. Давай, мол, продавец, работай! Что ж, поработаем, мы не гордые. Развернув шубу, Лючано принялся демонстрировать товар, вертя боевой трофей и так, и эдак.

– Стоп. Что это?

– Где?

– Здесь.

Костлявая рука, до локтя затянута в нитяную перчатку, без промаха указала то место, где шубу обдало жаром плазмы. Аппараты по выдаче таких перчаток стояли в холле возле каждого гнезда энергосистемы космопорта. Пассажир, желающий подзарядить, например, уником, обязан был приобрести необходимый предмет туалета. Иначе биодатчики сразу блокировали подачу энергии на гнездо.

Пользоваться личными аккумуляторами – «гирляндами Шакры» или, допустим, «вехденской искрой», купленной заранее в киоске – не возбранялось. Но общая энергосистема – другое дело. Огонь должен оставаться чистым.

Традиции на Тире не обсуждались.

А гематр, наверное, просто забыл снять перчатку.

– Мелкий термо-дефект, – Лючано не стал юлить, решив, что честность – лучшая политика. – Как видите, мех уцелел.

– Вижу. Вы предлагаете дефектный товар. Вероятность найти на него контр-спрос, – гематр на миг запнулся и решил не называть конкретных цифр, – ниже оптимальной.

– Вероятность зависит от цены, – подмигнул ему Лючано.

– Вы убедительны. Дайте пощупать... Да, мех натураль-

ный.

– А качество? Ей место в музее!

– Ваша цена?

В бутиках Хиззаца или Китты такая шуба стоила бы добрых три тысячи экю. На варварской периферии, богатой пушным зверем – впятеро меньше. А ношенная, с подпалиной, из сомнительных рук...

– Сто пятьдесят экю.

– Сорок, – безучастно возразил гематр.

– Мар шутит?! Ну ладно, сто. Только для вас!

– Сорок.

– Это вам не какой-нибудь искусственный полушубок!

Это полномерная шуба из голубой шиншиллы! – шиншиллу Лючано изобрел на ходу. – Я торгую себе в убыток, и готов сбросить цену до восьмидесяти экю. Но...

– Сорок. Вещь не новая – раз, – гематр загнул палец, словно разговаривал с умственно отсталым. – С явно видимым дефектом – два, – он загнул второй палец. – Я покупаю ее с рук, без гарантии – три. Шуба, полагаю, ворованная. Значит, я сильно рискую – четыре. И...

Он замолчал и быстро надвинул шляпу еще глубже, чуть ли не на нос, притворяясь, что спит. Уже набрав в грудь воздуха для возмущенной отповеди, Тарталья осекся. И вовремя: на плечо коммерсанта опустилась крепкая ладонь.

– Торговля без лицензии в неподобающем месте, – с удовлетворением сообщил сержант-полицейский, разворачивая

жертву лицом к себе. – Будем составлять протокол.

– Какая торговля? Какой протокол?! – «включить дурака» получилось мгновенно: сказался богатый опыт последнего времени. – Я ничего не покупал! А этот синьор ничего не продавал! Мы обсуждали проблемы вывоза пушнины. Это запрещено?

К ним подошел второй полицейский – как и первый, в синем кафтане, перетянута портупеей с закрытой кобурой на поясе. Плюс обычный набор блюстителя порядка: силовые наручники, дубинка-шокер, мультирежимный коммуникатор...

– Прекрати молоть чушь, – сержант повысил голос, привлекая внимание напарника. На унилинге он говорил с сильным акцентом. – Ты пытался продать ему шубу!

– Я? Продать?! Вы слышали, почтенный мар?

– Слышал, – согласился гематр.

«Только бы не сдал!»

– Я вам что-либо продавал?

– Нет. Я не вступаю в деловые отношения с незнакомцами.

– Золотое правило! – возликовал Лючано.

– Я видел...

– Что вы видели? – перебил сержанта Тарталья, шалея от собственной наглости. – Что я показывал шубу этому синьору?

– Да!

– И вы совершенно правы, офицер! Да, показывал! И на суде повторю: показывал! Я спросил почтенного мара, где находится переговорный пункт гиперсвязи. А почтенный мар заинтересовался моей шубой. Он впервые в жизни увидел тамирскую шиншиллу. Это противозаконно?

Второй полицейский слушал молча, не вмешиваясь.

– Поговори мне! В отделении разберемся!

– Произвол! Насилие над личностью! Я как раз хотел связаться со своим адвокатом! Теперь у меня появился еще один повод сделать это без промедления! У меня есть свидетели! Вот они!

Он картинно простер руку в сторону пассажиров, наблюдавших за их препирательствами. Как и ожидалось, зеваки мигом отвернулись и занялись кто чем. Хоть таблички на спины вешай: «Наше дело – сторона!» Ну да, потянут в свидетели – рейс пропустишь...

– Идем, Харс, – пробасил второй, более умный полицейский. – Оставь его. Пусть валит отсюда, мерзавец!

Оба стража уразумели: давать показания против наглеца никто не станет. С поличным взять не удалось: шуба у задержанного в руках, денег гематр ему не давал... А парень, сразу видно, ушлый: чуть что, по судам затаскает.

– Слышал?! – окрысился на Тарталью сержант, донельзя раздосадован неудачей. – Пошел вон! Чтоб через минуту духу твоего здесь не было!

– Сначала я воспользуюсь переговорным пунктом.

В голосе Лючано звенело оскорбленное достоинство.

– Прошу вас, почтенный мар, напомните еще раз: где находится пункт?

– Там, – указал гематр. – Вторая дверь слева.

– Спасибо. Удачного вам перелета!

Обед откладывался. Что ж, на первый план выходила сеньора Вамбугу.

III

– Стой! Ты куда?

– Сюда, – Лючано указал на дверь пункта.

– Зачем?

– По межсистемной поговорить.

– А деньги у тебя есть – по межсистемке болтать?

– Нет, – честно признался Лючано. – Я за счет вызываемого абонента.

– Так я и думал, – констатировал охранник.

Он повел широченными плечами, хрустнул пальцами и поглядел на Борготту сверху вниз. Чувствовалось, что все свободное время громила проводит в зале с тренажерами. Выглядел охранник жутковато: он весь аритмично пульсировал от вживленных стимуляторов роста мышечной массы и низкочастотных «трясучек», воздействующих на периферическую нервную систему.

– Шел бы ты отсюда по-хорошему, а?

«Квадрат» выглядел человеком незлым, но упрямым. Бить или звать полицию вряд ли станет. Но если решил не пускать – не пустит. Искать другой пункт? И по дороге угодить в лапы сержанта?

«Тебя уже взяли на заметку, малыш. Не искушай судьбу».

Вняв совету, вместо судьбы Лючано принялся искушать охранника.

– Я готов по-хорошему. Неприятности мне ни к чему.

Фраза-штамп из криминальных фильмов вырвалась сама собой. Тарталья сразу об этом пожалел. В фильмах после данного заявления героя, как правило, начинали дубасить.

– Пусти, друг! – сменил он тон. – Ну очень надо!

– Ты себя в зеркало видел, друг? – хмыкнув, поинтересовался «квадрат».

– Конечно!

– А ты еще разок погляди. Получишь удовольствие.

Могучий палец указал на зеркальную стену пункта.

Лючано послушно глянул и никакого удовольствия не получил. Из зеркала на него уставилась крайне подозрительная рожа. Сизая щетина на щеках и подбородке. В глазах – загнанный блеск. Вокруг глаз – роскошные «очковые» фонари. Линялый комбинезон без рукавов, в масляных пятнах, надет прямо на голое тело. По плечу, уползая на грудь, змеится та-туировка. Обувь... Можно подумать, что в этих туфлях он провел футбольный матч, выступая центр-форвардом.

И свернутая шуба подмышкой.

– А теперь сам скажи: ты бы на моем месте такого пустил?

– Ни за что, – без колебаний ответил Лючано.

– Вот и я не пущу. Не обижайся, да? Мне на бирже работу искать неохота.

– Пусти, брат! Мне с адвокатом связаться надо.

Повысив охранника из «друга» до «брата», добиться ответной симпатии не удалось.

– Ты бы хоть думал, что говоришь. Ну откуда у тебя адвокат?

– С Китты! У меня есть адвокат! Честное слово!

На лице «квадрата» мелькнула тень неуверенности.

– Если тебе так приспичило, – он в задумчивости почесал кончик носа, – я должен выяснить, кто ты. Прикинь хорошенько: ты этого хочешь?

Деваться было некуда.

– Хочу, – тяжело вздохнул Лючано.

– Ну смотри, я тебя предупредил. В случае чего, сдам в кутузку, и привет.

– Я понял.

– Давай руку.

Крепыш отстегнул от пояса портативный идентификатор. Тарталья приложил ладонь к датчику.

– Э-э, приятель! Да ты срок мотаешь!

Лапища «квадрата» нашарила кобуру.

– Дальше! Читай дальше! – взмолился Лючано. – Там должно быть!

– Поправка Джексона-Плиния... – вслух прочел охранник, скосив один глаз на дисплей. Он читал медленно, буквально по слогам, стараясь держать подозрительного бродягу в поле зрения. – Ты что, раб?!

– Типа того.

– Врешь! Видал я рабов. Они себя иначе ведут. Беглый, что ли?

Рассказать ему правду? Слушать замается. И все равно не поверит.

– Беглый.

– От помца сбежал?!

– Да! – на Лючано снизошло вдохновение. – Посмотри на меня! Видишь? Это хозяин меня отделал. Вот я и удрал! Он, гадюка, на днях с инсультом свалился. Ничерта не соображает, нас не контролирует...

Оставалось надеяться, что «квадрат» не в курсе специфики рабства.

– Ну, я и воспользовался моментом. Мне адвокат позарез нужен. А то обратно упекут!

Лицо охранника стало жестким и злым. Тарталья внутренне напрягся. Кажется, он ляпнул что-то лишнее. А может, просто вживленный стимулятор впрыснул «квадрату» слишком большую дозу форсированного креатина.

– Никто тебя никуда не упечет. Пока ты на Тире – будь спокоен. Чтoб у нас человека помцам выдали?! Не дождутся!

«Малыш, ты везунчик! – восхитился маэстро Карл, забыв

собственные советы насчет капризной удачи. – Вехдены на грани войны с Помпилией! А сейчас, после отделения сепаратистов Михра... Беглого раба они примут, как родного».

Гишер промолчал.

– Иди, брат. Звони адвокату. Крайняя кабинка, в углу.

– Спасибо! Я мигом... никаких проблем...

Последние слова Лючано бормотал уже на ходу. Прозрачные створки автоматически разъехались перед ним. «Вот же ублюдок, – выругался за спиной охранник, к счастью, имея в виду не „беглеца“-враля. – Живую душу в клочья измордовать! В последнее рванье нарядил...»

Дальше Тарталья не слушал, шмыгнув в угловую кабинку и запершись изнутри. Выручайте, синьора Вамбугу... Он пробежался пальцами по сенсорам терминала, дождался активации сферы, запустил систему голосового диалога и произнес:

– Связь с Фиониной Вамбугу, вудуни, адвокатом с Китты. Наиболее вероятное местонахождение в настоящий момент – система звезды Марзино, планета Террафима, город Эскалона. Вызов от Лючано Борготты, разговор за счет вызываемого абонента.

– Запрос принят, – мурлыкнула информателла. – Ожидайте ответа.

Лючано откинулся на спинку кресла. Он боялся заснуть. Смешно, но здесь, в переговорной кабинке, он чувствовал себя в безопасности. Ложь, глупость, и тем не менее... Еле

слышно играла «музыка ожидания». Мелодичные переливы клавинолы успокаивали, вселяя уверенность: все будет хорошо. Сейчас объявится Фионина и все уладит. Амнистия, свобода; он наконец вздохнет спокойно, отыщет «Вертеп», гастролирующий по Галактике, жизнь войдет в привычное русло...

– Абонент не отвечает. Абонента нет в пунктах гиперсвязи Эскалоны. Отправить сигнал вызова на личный униконм госпожи Вамбугу?

– Да!

– Эта услуга – платная. Если вызываемый абонент откажется принять на себя обязательства плательщика, вы гарантируете...

– Да!!!

Пауза. Томительная, доводящая до безумия.

– Сигнал отправлен.

Тарталья окаменел, не в силах поверить своему счастью. Он не понимал, каким образом его устной гарантии оказалось достаточно для подтверждения.

– Госпожа Вамбугу выйдет с вами на связь с ближайшего терминала, если сочтет нужным.

– Она сочтет! Она обязательно сочтет!

– Будете ждать ответа?

– Да!

Раз уж он попал на переговорный пункт, надо пользоваться случаем на всю катушку.

– Пока я жду, я могу заказать дополнительный разговор?

– Разумеется. Слушаю вас.

– Связь с Юлией Руф, помпилианкой. Наиболее вероятное местонахождение – Тамир, поселок горняков близ космопорта, или Тетрафима, город Эскалона. Обе планеты – в системе звезды Марзино. Разговор за счет вызываемого абонента. В случае отсутствия абонента в пунктах гиперсвязи шлите сигнал на личный уник.

– Запрос принят. Ожидайте ответа.

На сей раз клавинола играла заметно дольше. Лючано весь извелся в нетерпении.

– Абонент не найден.

– То есть как это – не найден?!

– Определить местонахождение Юлии Руф не представляется возможным.

– Почему?

Информателла не ответила.

«С Юлией стряслась беда! Иначе она бы непременно вышла на связь. Если система не может ее найти – значит, Юлия так и не объявилась после отлета с Тетрафимы. Надо что-то предпринять, сподвигнуть кого-то на поиски!.. Помпилианка вполне может постоять за себя, но близнецы...»

Решение пришло через секунду.

– Связь с Лукой Шармалем, финансистом. Наиболее вероятное местонахождение – планета Китта в системе Альфы Паука. Разговор за счет вызываемого абонента.

– Запрос принят. Ожидайте ответа.

Ждать практически не пришлось. Сфера истончилась, делаясь прозрачной; растаяла. Вместо нее из терминала выдвинулась рамка гиперсвязи. Никакой ряби и помех, как на «Нейраме»: мощное стационарное оборудование давало прекрасное изображение. В качестве аппаратуры, установленной на вилле Луки Шармаля, тем более не приходилось сомневаться.

В рамке красовался голем Эдам: лощеный щеголь.

– Что вам угодно, господин Борготта?

Глубокий музыкальный голос голема вызвал у Лючано раздражение.

– Мне нужно поговорить с твоим хозяином.

– Сожалею, но это невозможно. Мар Шармаль сейчас очень занят.

Лючано начал закипать. Дети в опасности, а эта синтетическая морда резину тянет!

– Это очень важно! Вопрос касается внуков твоего хозяина.

– Это действительно очень важно, – кивнул голем. – В списке желающих сообщить мар Шармалю информацию о его внуках ваш порядковый номер – одна тысяча шестьсот сорок восемь. В одна тысяча шестьсот сорока семи предыдущих случаях переданная информация не подтвердилась. Сообщите мне то, что хотели сказать мар Шармалю, и я передам ему все в точности.

– Я буду говорить только с Лукой Шармалем лично.

– В данный момент у мар Шармаля важное совещание. Еще раз предлагаю вам сообщить все мне. Вы можете мне доверять. Сведения будут пере...

– Доверять?! – прервал Лючано напевную, убаюкивающую речь голема. – Давид с Джессикой тоже тебе доверяли! А ты, сукин сын, беззаботно танцевал под баобабом, когда их похищали! Что, забыл, как тебя *переклеили*?

На красивом лице Эдама проступило легкое недоумение.

– Не понимаю, о чем вы говорите. Моя память не содержит подобной информации.

– Зато моя – содержит! Если дед не желает со мной говорить, я свяжусь с отцом Давида и Джессики! Ты меня понял?

– Я вас понял, господин Борготта. Соединяю с мар Шармалем.

«Подействовало!» – со злорадством усмехнулся Тарталья. Издалека донеслись аплодисменты. Хлопали двое. «Отличное представление, малыш!» и «Ты его сделал, дружок!» – награда за проявленную находчивость.

– У вас одна минута.

Лука Шармаль, как обычно, был краток. Тратить время на приветствие он счел излишним. За спиной банкира виднелся овальный стол красного дерева. За столом расположились восемь человек в строгих костюмах. При кажущейся простоте и старомодности каждый из таких костюмов стоил целое состояние. Удачливый грабитель, раздев эту восьмер-

ку и продав вещи на барахолке, мог бы купить небольшой звездолет.

– Добрый день, мар Шармаль. Мне хватит и минуты, чтобы сообщить вам, где находятся ваши внуки. По крайней мере, находились несколько дней назад. Даже учитывая, что пять секунд я потратил, желая вам доброго дня. Но предупреждаю: для чего-либо еще минуты недостаточно.

Секунда на размышление – большего финансисту не потребовалось.

– Подождите. Я переключусь на защищенный канал.

– Жду, – улыбнулся Лючано.

Изображение мигнуло и затуманилось. Когда вернулась резкость, в рамке остался один Лука. Стол и людей, сидящих за ним, укрыла серая пелена конфиден-поля.

– Говорите.

– Последний месяц я довольно тесно общался с вашими внуками. Мы расстались совсем недавно, в поселке горняков на Тамире.

– Почему вы не связались со мной сразу?

– Не имел такой возможности.

– Почему вы считаете, что мои внуки до сих пор на Тамире?

Бесстрастное лицо гематра напоминало маску хирурга. Шармаль-старший пытался вскрыть собеседника, добраться до истины. Увы, банкиру не повезло: пациент оказался в броне с антилучевым покрытием. Лазерный скальпель скользил

по поверхности, не в силах пробиться вглубь.

– У меня есть на то основания. Дети находятся в формальном рабстве у помпилианки Юлии Руф. А она, я полагаю, еще не покинула Тамир.

– Что вы имеете в виду под словами «формальное рабство»?

– По документам они рабы. Но клейма на них нет.

– Откуда вы можете это знать?

– Не важно. Если бы не знал – не говорил бы. Советую поторопиться: неизвестно, сколько еще госпожа Руф с детьми пробудут на Тамире.

Взгляд банкира на миг остекленел – и вновь жестко сфокусировался на лице Тартальи. За это мгновение Лука Шармаль успел просчитать очень многое. На лацкане гематра блеснул значок: спираль со звездой. Букв, выгравированных на спирали, было не различить, но Лючано и так знал, что там написано: «За чистоту!»

За чистоту расы.

Финансист, казалось, прочел мысли невропаста. Когда он потянулся к значку, рука его едва заметно дрогнула. Сняв спираль с лацкана, гематр аккуратно спрятал ее в карман.

– Благодарю за информацию.

И связь прервалась.

IV

Имея дело с таким человеком, как Лука Шармаль, знаешь: скупое «благодарю» стоит очень дорого. Тем не менее, Лючано ощущал легкую досаду. Он отлично провел разговор, ухитрился не сказать ничего лишнего, – и все же...

– На связи Фионина Вамбугу.

– Где вы, Борготта?!

«Можно подумать, она знакома с банкиром! И переняла у него дурную привычку: экономить время на приветствиях...»

– Добрый день, Фионина! Как я рад вас видеть!

– Где вы?!

Обеспокоенная вудуни была прелесть как хороша. Ее смуглое выразительное лицо просто радовало глаз по сравнению с маской гематра.

– Я на Тире. 3-й космопорт Андаганской сатрапии.

– Где? Великий Маву, что у вас с лицом? Вас били?!

– Долго рассказывать. Мне срочно нужна ваша помощь.

– Разумеется. Я же ваш адвокат. Вы можете прилететь ко мне на Тетрафиму? Это в системе Марзино...

– Я знаю, где это. Проблема в другом: у меня нет денег. Ни гроша! Кроме того, я все еще отбываю срок...

– Стоп!

Синьора Вамбугу выставила вперед ладошку, пресекая

словоизвержение клиента.

– У меня для вас хорошие новости, Борготта. Вы заочно амнистированы. Вопрос с Тумидусом мною урегулирован. Со вчерашнего дня вы – свободный человек. Поздравляю!

«Амнистия? Но ведь охранник только что проверял!»

«Тебе рассказать, что такое бюрократия, дружок? – ухмыльнулся Гишер. – Мы, экзекуторы – шантрапа в сравнении с чиновниками. Пока они почешут задницу, пока внесут изменения в базу...»

– Спасибо! Фионина, я – ваш должник!

– Да, – адвокат соизволила улыбнуться. – Вы передо мной в неоплатном долгу. В том числе и за этот разговор. Расплатитесь на Террафиме. Снимайте деньги с личного счета и бегом за билетом...

– Мой счет заблокирован после вынесения приговора!

– Должны были уже разблокировать. Я проверю. Если что – потороплю. У вас там достаточно денег, чтобы добраться до Террафимы?

– Вполне.

– Отлично. Вылетайте немедленно. Надо пройти медицинскую экспертизу и подписать кое-какие документы: они у меня с собой. После чего я от вашего имени вчиню иск басу Тумидусу. Он у нас за все заплатит, не сомневайтесь! И за нарушение предписанного режима вашего содержания, и за то, как вы сейчас выглядите, и за моральный ущерб, и за

физический... Клянусь влажным дыханием Джа! Он нам и транспортные издержки возместит!

Судиться с Тумидусом? Лючано не собирался этого делать, но спорить с адвокатом не стал. В дороге можно всласть помечтать. Легат, возмещающий тридцать три вида ущерба – дивное зрелище, если хорошенько напрячь воображение.

– Фионина, вы – замечательная! Я на вас обязательно женюсь. До встречи!

– Вы не в моем вкусе, Борготта, – засмеялась вудуни. – Я имею в виду, как жених. Как клиент, вы меня вполне устраиваете. Без таких, как вы, жить было бы очень скучно...

– Выручил, брат!

В порыве чувств Лючано едва не бросился обниматься с вибрирующим от стимуляторов охранником. Лишь двойной окрик «внутренних голосов» – маэстро и экзекутора – удержал его от рискованной фамильярности.

– Хорошие новости? – проявил интерес «квадрат».

– Отличные! Амнистия! Я больше не раб!

– Да ну! – расцвел охранник. – Поздравляю, брат!

Рассыпавшись в благодарностях, Тарталья дал обещание при случае «проставиться» и бегом заторопился к ближайшему банковскому терминалу. Запершись в изолированной кабинке, он вдруг обнаружил, что у него дрожат руки. Тонкая струйка пота, щекоча, текла вдоль позвоночника. «Тебе слишком везет, малыш, – шепнул издалека маэстро Карл. –

Будь осторожен. Гляди, чтобы в компенсацию не шархнуло по полной!»

Лючано кивнул, стараясь унять дрожь.

Он боялся прикладывать ладонь к идентификатору. Увы, иным путем, если ты, конечно, не ломщик-профессионал, в банковскую сеть не войти. Терминал долго не желал отвечать: словно невпопад разбуженный, моргал индикаторами, тихо, на пределе слышимости, стрекотал белковыми процессорами. Наконец на дисплее возникла надпись: «Пользователь идентифицирован» – и клиента окутала непроницаемая для сканирования конфидент-сфера.

– Состояние моего счета. Визуализация.

В недрах терминала кто-то натужно икнул. На внутренней поверхности сферы возникла банковская выписка. Все цифры светились зеленым – счет был открыт для доступа владельца. Значит, блок снят. Приход-расход, динамика движения средств и набежавшие проценты Лючано сейчас не интересовали.

Только сам факт, что он снова при деньгах.

Отслеживая взгляд клиента, умная техника укрупнила нужную строку, дав приближение и объем. Выписка стабилизировалась, затем продолжила расти в размерах – клиент моргал и щурился так, словно был очень близоруким. Перед глазами расплывалась абсурдная, безумная сумма: 30 017 246,11 экю. Проклятье, откуда взялась тройка с двумя нулями перед родным и понятным числом 17 246,11?

Ну конечно! Это чужой счет!

Проклятый терминал ошибся.

Когда Тарталья проходил повторную идентификацию, он никак не мог перестать хихикать. Комедия! – банк перепутал клиентов... Заново нырнув в систему, стараясь не слишком заикаться, он затребовал аудиоподтверждение выписки.

– На вашем счету тридцать миллионов семнадцать тысяч двести сорок шесть экю одиннадцать сантимов.

– Откуда?!

Система молчала, ожидая уточнения вопроса.

«С золотого блюда, малыш! – как обычно, маэстро сообщал быстрее всех. – С золотого гематрийского блюдечка! Какое вознаграждение обещал одинокий дедушка за реальные сведения о местонахождении внуков?»

– Когда поступил последний транш?

– Тридцать миллионов экю, – откликнулась система, – были переведены на ваш счет семнадцать минут сорок восемь секунд назад. Плательщик – Лука Шармаль, председатель правления банковского консорциума «Звезда Хунгакампы». Назначение платежа: частный перевод.

«Миллионер. Я – миллионер!»

Некоторое время Лючано приходил в себя, собирая мысли, разбегавшиеся, словно после Большого Взрыва, и старательно заталкивая их обратно в голову, пухнущую от открывающихся перспектив. Собрал. Затолкал. Еще с минуту подумал. И начал действовать.

Двадцать миллионов – на коацерватный счет. Пять процентов годовых – это получается... Фаг меня заешь! Миллион! Каждый год. Просто не верится. Остальное пусть лежит на текущем: в первое время будет много расходов.

«На что ты собрался просадить свободный десяток миллионов, дружок?»

«Дом куплю! Себе – дом, маэстро – дом, Гишеру – дом... Тетушке Фелиции – два дома! Корабль... Яхту, как у графа! „Вертепу“ – вольную! Всей труппе! Женюсь, в конце концов!»

«На ком, дружок? На красотке-помпилианке?»

Лючано вспомнил нагую Юлии в студии «Нейрама». Гимнастический «мостик», волосы – языки черного пламени; острые бугорки сосков, на бедрах – еле заметная синева вен... Он судорожно сглотнул. А хоть бы и на Юлии! Чем мы теперь не пара дочери октуберанского консула?

«А если откажет?»

«Откажет – гарем себе заведу! С горя».

«Ишь ты!» – хором восхитились маэстро с экзекутором.

С сожалением прогнав соблазнительные видения, новоявленный миллионер продолжил финансовую рутину. «А сделаю-ка я себе „золотую ручку“! Как у Казимира Ирасека. Он, конечно, извращенец, но человек опытный. Знает, что нужно богатым людям. Таким, как мы!»

Тарталья активировал перечень спец-услуг.

– Ногтевой имплантант IGA-bio-137u для блиц-расчетов

и транзакций, – распорядился он. – Оплата операции – с моего текущего счета.

– Выполняется. Прошу вас вставить палец, выбранный для имплантации, в гнездо с красным ободком. Оно расположено справа от вас.

Лючано сунул в гнездо средний палец левой руки, представил, посредством какого жеста он теперь будет расплачиваться за покупки, и ухмыльнулся. Стенки гнезда упруго сжались, фиксируя добычу. Едва заметный укол в подушечку пальца – система ввела клиенту анестетик.

Палец потерял чувствительность, словно перестал существовать.

– Ногтевой имплантант IGA-bio-137и, – вещал меж тем сухой баритон терминала, – изготовлен из сверхпрочного тугоплавкого биополимера. Выдерживает ударные и температурные нагрузки вплоть до...

Лючано слушал вполуха: плевать он хотел на уровень нагрузок.

– ...неизвлекаем... на вид неотличим от обычного ногтя. При ампутации пальца деактивируется... Может быть заблокирован владельцем посредством волевого стандарт-импульса... Транзакция осуществляется при контакте имплантанта и карт-ридера любого типа, а также любого аналогичного устройства. Проверка состояния счета...

Он едва не заснул.

– Имплантация завершена. Благодарим вас и поздравляем

с приобретением!

Вынырнув из дремы, Тарталья извлек из гнезда палец, к которому быстро возвращалась чувствительность, и уставился на имплантант. С виду – ноготь, как ноготь. А ну-ка, попробуем! Он вышел из системы и с наслаждением ткнул ногтем в карт-ридер терминала. Конфидент-сфера накрыла его; вернулась знакомая панорама с рядами цифр.

– Мы рады приветствовать вас...

Счастливый человек расхохотался и вышел вон.

V

«Обед! Из пяти... из семи... из двадцати блюд! Бутылка десертного квинтилианского!.. нет, сперва – добрый стаканчик тутовой водки... И фазанью печень в глазури!..»

«Малыш! Очнись! В таком виде тебя и в сортир не пустят!»

Соваться в зону класса «люкс» он благоразумно не стал. Вполне приличный салон «Bon vivant» обнаружился неподалеку, но путь, горя служебным рвением, преградила девушка-менеджер.

– В спецодежде не положено!

Испортить Тарталье настроение не смог бы и конец света. Хотелось петь, танцевать, дурачиться и делать подарки. Он оглядел себя. Ну конечно: комбинезон техника. И шуба подмышкой.

Шуба?!

Облачившись в тамирский трофей, он запахнул полы.

– А так – можно?

Менеджер фыркнула.

– Заходите.

Не доверяя камерам наблюдения, девица следовала за подозрительным гостем по пятам. «Мало ли что на уме у этого типа? – читалось на ее хмуром лице. – Испоганит дорогую вещь, а мне отвечать!»

– Заверните вот это... и это... и туфли, две пары... Дuschечка, улыбнитесь! Поверьте, я – ваше счастье! Принц на белом звездолете! Не верите? Зря, людям надо верить, особенно тем, кто носит шубы летом...

Люминисцентная рубашка цвета морской волны, с кружевным жабо. Концертный фрак с длинными фалдами; расцветка – «кипящее золото». Просто загляденье: он давно хотел такой... «Бабочка» черного бархата. Брюки «классик-лимон», с острыми, как бритва, стрелками. Остроносые туфли на высоком каблуке. «Кожа михряницы-песчанки», гласил ценник. Ах да, очки: «фотохром-полиморф». Ни к чему лишний раз светить честно заработанными «фонарями».

Из кабинки для переодевания Лючано вышел преобразенным. Раскланялся в адрес камер наблюдения, ткнул ногтем-имплантантом в карт-ридер, дождался подтверждения платежа и чека, обворожительно улыбнулся девушке-менеджеру, решившей, что она сошла с ума; спросил пакет по-

объемистее – для шубы, которую решил оставить на память, чтоб показывать будущим внукам – и покинул салон.

Самое время перебраться в зону «люкс».

Где тут у нас лучший ресторан?

Он успел сделать всего пять-шесть шагов. Чем это пахнет? Духами? Фруктами? Закружилась голова. Тело сделалось легким, невесомым. Еще секунда, и тело исчезло.

Зал качнулся.

– Человеку плохо!

– Врача!

– Да вот они!

– Ты гляди, как быстро!

Люди расступились, пропуская к упавшему бригаду в бело-зеленых хламидах медиков. Теряя сознание – последнее, что у него оставалось после исчезновения тела – Лючано вспомнил, что у судьбы есть чувство юмора.

Он узнал одного из врачей.

Контрапункт Лючано Борготта по прозвищу Тарталья (недавно)

Иногда кажется, что я не живу, а переживаю.

Когда я что-то делаю, я кидаюсь очертя голову в холодную воду и бултыхаюсь, как придется, лишь бы не околеть. Обычно выплываю; и на том спасибо. Зато позже... О, позже я многократно вспоминаю, как было дело. Размышляю, правильно ли поступил. Прикидываю, как мог бы поступить иначе. Думаю, что все бы сделал гораздо лучше, если бы не всяко-разное. Вижу, что упустил очевидный плюс. Мыкаюсь, озабочен грозными минусами. Жую, жую, пробую на вкус горькую слюну...

Произошедшее ходит во мне по кругу.

Без толку, без пользы.

Я перевариваю сам себя, и тем сыт.

**Террафима, Эскалона,
госпиталь им. короля Бенуа**

– Я жду, – напомнила адвокат.

Тумидус не спешил. Коснувшись сенсора на стенной панели, он изменил конфигурацию больничной койки. Наверное, спина затекла. Перед собой легат держал электронный планшет: на экране, один за другим, всплывали документы, требующие подписания.

Гай Октавиан Тумидус прощался с Лючано Борготтой.

И надеялся, что навсегда.

Осталась последняя, девятая подпись. Как и прочие, она уплывет вглубь экрана, канет на дно, где начнет краткое странствие: заверение подлинности, фиксация в недрах архивов, изменение статуса физического лица, зависящего от этого небрежного росчерка...

– Я собираюсь учредить клуб, – сказал Тумидус.

Он говорил медленнее обычного, следя за четкостью артикуляции. Так марширует солдат-ветеран, усилием воли скрыв от чужого взгляда последствия ранений и груз возраста. Вчера доктора разрешили легату покинуть реанимационную капсулу, переведя его в отдельную палату. Фионина Вамбугу едва смогла добиться разрешения на посещение. Медики грудью встали на защиту пациента: необходим покой, вы варвар, госпожа адвокат, вы наемный убийца, мельчайшее волнение сведет больного в могилу... Но упрямство, помноженное на цепкость, свойственную профессии молодой вудуни, в конце концов победило.

«Полчаса, не больше!» – сдался заведующий отделением.

Оставалось шесть минут.

– Какой клуб?

«Неужели после инсульта он слегка помешался?»

– Клуб пострадавших от Борготты. Себя я назначу бес-
сменным председателем. Не хотите записаться? Я дам вам
членский билет за номером пять или десять. Изучим обстоя-
тельства и назначим подходящий номер. Ведь вы же постра-
дали от него, не правда ли?

– Нет. Ничего подобного.

Фионина вспомнила первый разговор с клиентом. Сеанс
«знакомства» Лоа. Боль, страх, острые когти. Степень май-
омbero спасовала перед внезапностью. Был ли в этом вино-
ват Борготта? Вряд ли. Можно ли сказать, что она пострада-
ла?

Нельзя.

Все обошлось благополучно.

Однако с того дня она ни разу не рискнула повторить се-
анс с другими клиентами. Это помогло бы в работе. А вот
поди ж ты...

– Не врите мне, – криво ухмыльнулся Тумидус. Скупой на
мимику, лишь сейчас он ясно дал гостье понять, что мыш-
цы лица не до конца подчиняются хозяину. – Это невозмож-
но: встретиться с нашим общим приятелем и не пострадать!
Короче, я резервирую за вами теплое местечко. Будете си-
деть рядом с Лукуллом, медикус-контролером «Этны». Вы
подружитесь, уверяю!

При чем тут корабельный врач, Фионина не поняла.

– А вот Папе Лусэро он сразу понравился. Папа даже сделал ему татуировку.

– Кто понравился?

– Борготта.

Не стоило такого говорить. Неэтично, непрофессионально. И драгоценное время уходит попусту, как вода в песок. Но адвокат не жалела, что произнесла эти слова. Как будто защитила клиента на тайном, потустороннем суде.

– Папа Лусэро?

– Наш киттянский антис. Они познакомились в тюрьме.

Легат хрипло расхохотался.

– Я в курсе, кто такой Папа! Он гостил у меня на галере. Я-то думал, что он спасает гибнущий корабль, а он, оказывается, тюремного дружка вытаскивал из задницы... Вам это не кажется забавным? Карлик-антис и невропаст-эксекUTOR знакомятся в тюрьме. В итоге – взаимная симпатия. Один делает другому татуировку. Под аплодисменты воров и насильников. Почему я не удивлен?

– Потому что не знаете главного. Вы в курсе антической физиологии? Когда антис возвращается из *большого* тела в *малое*, он покрыт так называемым шлаком. По виду – серая пыль, прах, и ничего больше. Шлак до сих пор слабо изучен. Есть версия, что это микрочастицы плоти, не до конца восстановившиеся во время перехода.

– Прекратите читать мне лекцию, – Тумидус разозлился. – Вы прекрасно знаете, что у нас, помпилианцев, нет своих ан-

тисов! Не было, нет и не будет! Мы вполне обходимся силами, доступными каждому, а не горстке мутантов! Шлаками космачей пусть занимаются ассенизаторы...

Он прав, вспомнила Фионина. Эволюция помпилианцев не предусмотрела возникновения их собственных антисов. Для многих этот нюанс говорил в пользу оскорбительного вывода: раса рабовладельцев – не энергеты и не технологцы, а нечто среднее. Метисы; агрессивная, хищная помесь. Наверное, поэтому, щадя уязвленную гордость уроженцев Помпилии, для определения людей, наделенных способностью к переходу в *расширенное* состояние, все пользовались словом «антис» – вместо гематрийского «нефил», вехденского «бахадур» или вудунского «н'куй».

Хотели как лучше, а получилась издевка.

– Лусэро Шанвури обычно сохраняет свой шлак, – и все равно, что-то толкало вудуни к развитию опасной темы. – Изредка, делая татуировки людям, которым Папа симпатизирует, он втирает шлак в свеженаколотый рисунок. На Китте верят, что так антис берет их под защиту. Передает крохотную толику себя самого. Свойства особых татуировок загадочны, но наши бокоры в один голос утверждают...

– Меня не интересует мнение бокоров! – прервал ее легат. – А татуировки с втертым шлаком – тем более! Зачем вы явились сюда? Вести светские беседы? Или за свободой для вашего драгоценного Борготты, чтоб его фаги сожрали?!

– В первую очередь, за свободой.

– Смертельный номер! – стилос двинулся к планшету. – Слабонервных прошу удалиться...

Он сильно изменился, думала адвокат. Солдафон, железный офицер, суровый идол, сама стойкость и непоколебимость, дал трещину. Шутит, нервничает, кипит от бешенства. Последствия болезни? Итог общения с Борготтой? Нет, не может быть. Раб не в состоянии оказать влияние на хозяина. Да еще такое отчетливое...

Девятая подпись возникла на экране.

Утонула.

– Все, – подвел итог Тумидус. – Свободен. Наконец-то свободен!

И вновь адвокат не поняла, кого легат имеет в виду.

– В целом, да, – согласилась она. – Вы аннулировали действие поправки Джексона-Плиния в деле моего клиента. Амнистия – единственный случай, когда поправка может быть аннулирована до истечения срока. Кстати, баас Тумидус: вы – мой должник. Мне пришлось потрудиться, чтобы выбить для вас исключительное разрешение.

– Исключительное? – легат вернул койку в исходное положение. – Слушая вас, можно предположить, что осужденный – не Борготта, а я. В чем мой долг перед вами?

– Я говорю о разрешении на отмену поправки не до, а после объявленной амнистии. И без прохождения медицинского освидетельствования. Запомните, баас Тумидус: как только я разыщу моего клиента, мы вернемся к этому раз-

говору. И если состоянию здоровья Борготты был причинен ущерб...

– Он здоров, как бык, – Тумидус закрыл глаза. – Это я в больнице.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Он выходил с вами на связь?

– Не пытайтесь поймать меня на слове. Я сказал правду: ваш клиент больше не мой раб. Никакой связи между нами нет. И уж точно он не звонил в больницу, чтобы справиться о моем самочувствии. Я исхожу из здравого смысла и личного опыта. Галактика лопнет по швам, мир покатится в тартарары, мы с вами подхватим чуму, сизую пузырчатку и геморрой, а этот мерзавец Борготта... Дерьмо не тонет. Вот и вся уверенность.

– Хорошо. Но помните: если что, я вас достану.

– Не сомневаюсь.

В палату ворвался лечащий врач. В комбинезоне и шапочке, голубых, как весеннее небо, в маске, закрывавшей нижнюю половину лица, он напоминал киллера-наемника из комедии «Стреляй, пока можешь!» В исполнении Бадди Гая этот образ стал необычайно популярен.

– Сударыня! Вы злоупотребляете нашим доверием!

– Уже иду, – адвокат спрятала планшет в сумочку.

– Больной нуждается в отдыхе! А вы!.. как вам не стыдно!

Продолжая бушевать, живое противоречие собственным

словам о покое, необходимом пациенту, доктор ринулся вслед за Фиониной Вамбугу. Похоже, этим скандалом он хотел проложить тропочку к более близкому знакомству: после смены, в уютном ресторанчике...

Что ни говори, а вудуни была привлекательной женщиной.

Когда медик вернулся, Тумидус заканчивал одеваться. Остолбнев, доктор смотрел, как легат завязывает галстук: черный и узкий. Казалось, пациент собрался на службу: полувоенный костюм, ремни, на боку – кобура. Пустая, кобура выглядела неестественно.

Скинутая пижама валялась на полу.

– Что... Что вы делаете, больной?

– Избавляю вас от своего присутствия.

– Как? Почему?

– Потому что выздоровел. Вам следовало бы лучше учить особенности нейрофизиологии помпилианцев. Недуги, подобные моему, у нас излечиваются много быстрее, чем у остальных. Итог эволюции и влияние «клейма». Иначе после первой же дуэли я превратился бы в калеку.

Речь легата была внятной. От скованности не осталось и следа. Доктор не сомневался: захоти он силой воспрепятствовать побегу, вызови санитаров – Тумидус не задержится в госпитале и лишней минуты. А в реанимации появится несколько новых пациентов.

– Я должен оформить... под расписку!..

– Вот расписка. Я приготовил ее заранее. Никаких претензий, доктор. Вы думаете, после девяти подписей мне трудно было поставить десятую?

– А если госпожа Вамбугу станет вас спрашивать?

– Подарите ей розу. От моего имени. И постарайтесь, чтобы она до крови оцарапалась шипами.

На пороге легат обернулся.

– Свободен, – с чувством шепнул он.

Врач, изумленно моргая, глядел ему вслед.

Тамир, администрация поселка рудокопов

– Вы мне надоели, – сказала Юлия Руф. – Я требую, чтобы мне дали связаться с моими людьми на Тетрафиме.

Помощник альгвасила, могучий детина с лицом обиженного ребенка, замялся. Он всегда так делал, когда начинал врать. То ли врожденная привычка, то ли сказывался недостаток опыта.

– Э-э... прошу прощения... В данный момент – исключе-
но.

– Почему?

– Ну... Ваши друзья, убегая, повредили антенну. Сейчас устанавливают дублирующее «блюдец». Как только работы завершатся...

Юлия поморщилась.

– Они – не мои друзья. И вы это прекрасно знаете.

– Э-э... я, конечно, верю вам...

Ни капельки он не верил. И смертельно боялся. В углу, притащенный сюда едва ли не силой, тосковал горный инженер Петроний Флакк. Он не знал, зачем понадобился. Зато Юлия знала. Помощник альгвасила надеялся, что щуплый помпилианец сумеет оградить его от пси-посягательств опасной брюнетки. Вдруг она захочет превратить детину в раба? А потом, диктуя свою волю, заставит вывезти ее с планеты? С нее станется. Ишь, глазищами зыркает!

А Флакк контракт подписывал, значит, поможет.

Или хотя бы почует заранее.

Юлия тайком усмехнулась. Раньше, в прошлом, ставшем почти нереальным, она бы сделала из тамирца раба даже при явном противодействии соотечественника. У нее было сильное «клеймо». Не чета способностям Флакка. Но сейчас... Детина мог не беспокоиться за свою драгоценную свободу личности. Уж скорее бы Юлии взбрело в голову совратить дурака и подбить на бегство, обещая выйти за него замуж.

– У вас должна быть аварийная система связи.

– Ну, да... Но допуск к ней строго ограничен.

– Вы уведомили власти Эскалоны о моем пребывании здесь?

– М-м... В принципе.

– В каком принципе?!

– Мы связались с руководством нашей компании. Они обещали переслать информацию в Эскалону. О вас и о по-

беге ваших... э-э... о побеге четверых террористов.

– Трех террористов, – поправила Юлия. – И одного заложника.

Ей надоело повторять это раз за разом.

– Ну, возможно... Знаете, госпожа Руф, – детина вдруг, расхрабрившись, подмигнул женщине с деревенским лукавством, – ваш заложник весьма бойко палил из «Тарантула». Ричард до сих пор в лазарете: в него всадили два или три разряда. Одного попадания заложнику, видимо, показалось мало. Хорошо хоть, разряды были средней мощности...

– Вы уверены, что стрелял именно Лючано Борготта?

– Уверен. Его опознали на входе в терминал. Вахтер, потом я лично, на эскалаторе, – детина потрогал себя за ухом, где красовался здоровенный желвак, и охнул от боли. – Врач говорит, мне бы по-хорошему тоже в лазарет, да куда уж тут...

Юлия наклонилась вперед, заглянув собеседнику в глаза.

– Борготта оглушил вас? Я правильно поняла?

– Врать не стану, глушил не он. Бил другой, вехден. Хотя бежал ваш заложник без всякого принуждения. Как чемпион бежал, скажу прямо. Хоть на мобиле догоняй. И дежурному пилоту в спасботе угрожал оружием тоже он. Там камера рядом, над ограждением, так что зафиксировали. Машет, значит, «Тарантулом», палит в воздух и орёт: «Пошел вон!» Первый раз в жизни встречаю такого бойкого заложника...

Все складывалось на редкость скверно. После бегства вех-

денов, прихвативших с собой и Борготту, на руках у местной администрации оказалась куча трупов, включая альгвасила, погибшего при странных обстоятельствах – плюс угнанный спасбот. Насмерть перепуганные, в столбняке от свалившейся на их головы ответственности, тамирцы боялись собственной тени.

Юлия с близнецами-гематрами – вот последние нити, которые оставались у них в руках.

Женщину сразу изолировали. Детей перевели в «развлекательный центр», как здесь именовали барак с голо-проектором для демонстрации фильмов, и выставили у входа охрану. Саму же помпилианку поселили в административном здании, в кабинете покойника-альгвасила. О, мрачная ирония жизни! Юлия целый день просидела сиднем в углу кабинета, наблюдая, как техники чинят решетку на окне, ставят дублирующую аппаратуру взамен сожженной, блокируют вход в систему дюжиной комбинированных паролей – и все это время исподтишка косятся на «ведьму», словно раздумывая: подвергнуть ее коллективному насилию, или бежать отсюда быстрее ветра.

В итоге техники принесли раскладную кровать с матрасом, комплект белья, еще чуточку подумали – и сгинули. Зато в коридоре, у двери, объявились два мрачных рудокопа, по виду – только что из шахты, но с плазменными карабинами. Даже в туалет Юлию водили под конвоем. Все это представлялось, как трогательная забота о безопасности госпожи

Руф.

– Вы сообщили об угоне спасбота?

– Да.

– А я, выходит, никак не могу связаться с Эскалоной?

– Э-э... Нет.

– Антенна повреждена?

– Ну... Ага.

Ясно представилось, что сейчас творится в совете директоров горнодобывающей компании, которой принадлежал поселок. Если они тянут время, значит, в панике. Начнись расследование, работы придется частично свернуть. Юлия не сомневалась, что Тамир – золотое дно для различных махинаций, от незаконной добычи био-форгеназма до уклонения от налогов. Под бдительным оком «следаков» не слишком развернешься...

Она не боялась, что ее ликвидируют – во избежание. Ее и близнецов. Да, погибни весь экипаж «Нейрама», и тамирцам сразу станет легче объясняться. Концы в воду; верней, под лед, учитывая здешний климат. Спасли не пойми кого, спасенные удрали, а кто не успел, тот умер (допустим, от снежной лихорадки!); вы, господа хорошие, ищите-свищите, а мы похороним жертвы эпидемии и разойдемся по шахтам – оплакивать.

Что можем добавить?

Ничего.

Так проще, но не для олухов-рудокопов и директоров-па-

никеров. Отпустят. Рано или поздно – отпустят с извинениями. Жаль времени – чем дольше тянется нелепый арест, тем дальше улетает Лючано Борготта. С его удачей можно умо-
тать так далеко, что вернуться станет затруднительно.

А Юлия Руф хотела, чтобы Борготта находился рядом.

Еще ничего в жизни она не желала с такой страстью. Раненый требует болеутоляющего, жаждущий мечтает о глотке воды, нищий грезит о кредитке, оброненной миллионером – все это не шло ни в какое сравнение с чувством, гложущим сердце женщины. Она еле сдерживалась, чтобы не уподобиться вехдемам. Ясно рисовалось: детина грудой тряпья валяется в углу, на нем – бесчувственный Флакк, а помпилианка несется на снегоглизсере в порт – угонять первый под-
вернувшийся корабль.

И – вдогонку за нелепым, смешным невропазмом.

Надеждой на выход из тупика.

Она не врала Лючано, когда показывала запись своего обезрабливания. Честные кадры, без монтажа и спецэффектов; память о пережитом кошмаре. Она просто не сказала главного. Скрыла цель, какую преследовала, решаясь на мучительный эксперимент. Мутация «клеяма», победа над природной шизофренией – не главное. Такая женщина, как дочь имперского наместника на Квинтилисе, если и стреми-
лась сорвать звезду с неба, то непременно самую яркую.

Юлия намеревалась стать первым антисом Помпилии.

Идея искусственного создания антиса-помпилианца при-

надлежала Айзеку Шармалю. Он вообще был богат на экстравагантные идеи, этот молодой гематр. В научной работе «Принцип невозможного» он теоретически допускал возможность полного обезрабливания и намечал стратегические цели процесса. В частности, согласно его выкладкам, «клеймо», ограниченное насильственным путем, начнёт искать новые пути самореализации.

У слепых – превосходный слух.

У безногих – сильные руки.

А у помпилианца на безрабье?

Утратив возможность влиять на роботов-симбионтов, но сохраняя внутреннюю активность, «клеймо» предположительно должно было скачком ускорить эволюцию носителя – и взорвать тупик, не позволяющий рабовладельцам иметь собственных антисов.

«Если „клеймо“ в исходном состоянии доминантно влияет на психофизический микрокосм людей, превращая свободных в рабов, а помпилианца – фактически в колонию многоклеточных организмов, управляемую главной личностью и способную как к росту, так и к сокращению, – писал Шармаль-младший, – отчего бы „клейму“ в итоге направленной мутации не оказать доминантное влияние на собственный микрокосм, усилив его параметры до макрокосмических? Превратив корпускулярный организм в волновой, а свободного – в антиса?»

Дальше шли зубодробительные выкладки, доступные

лишь специалистам.

К сожалению, теория оказалась далека от практического воплощения. Из добровольцев лишь Юлия сумела пройти весь курс обезрабливания до конца. Но вместо исполина, владыки космических пространств, она стала уродом. Монстр; неизлечимо больная психопатка. Одни воспоминания о последствиях кризисных приступов – парад на Октуберане, фанатики на Террафиме – доводили ее до истерики.

Она привыкла.

Смирилась.

И вдруг – Лючано Борготта.

– М-м... э-э... Вы слышите меня?

– Я чудесно слышу вас. А вот вы, пожалуй, меня слышать не желаете. Повторяю: я требую, чтобы мне дали связаться с моими людьми.

– Сейчас узнаю, – детина с видимым облегчением встал, намереваясь уйти. – Может, антенну починили...

Горный инженер Флакк выскочил из кабинета первым.

*Китта, побережье Йала-
Маку, вилла семьи Шармаль*

– Эдам?

– Да, хозяин.

– Пусть готовят мою личную яхту. Я хочу вылететь не позднее, чем через два часа.

– Да, хозяин.

– Маршрут Китта – Тамир. Я хочу в течение суток быть на Тамире.

– Да, хозяин. Я велю штурману рассчитать «маневровую цепь». Вы знаете, что это опасно?

– Знаю. Перед отлетом предоставишь мне штурманский расчет. Я сам исчислю уровень опасности.

– Разрешите вопрос?

– Спрашивай.

– Какова должна быть степень риска, чтобы вы отменили полет?

– Я лечу в любом случае. Еще вопросы есть?

– Нет, хозяин.

– Тебя *подклеить*?

– Нет, хозяин. Спасибо. Я в чудесной форме.

Голем замолчал.

Они стояли у ворот виллы: голем Эдам и банкир Лука Шармаль. Неподалеку ждал распоряжений великан-при-
вратник – киноидный модификант, подвергшийся ряду
сложнейших операций согласно требованиям работодателя.
Он не сомневался, что ему велят сопровождать банкира. Ес-
ли Шармаль-старший (слуги шептались, что при такой удаче
быть ему Шармалем-единственным) прервал заседание ру-
ководителей центров финансовой ответственности, велел го-
товить личную яхту и в течение минуты дважды произнес:
«Я хочу...» – значит, случилось чудо.

Дурное или доброе, неважно.

Когда начинаются чудеса, хозяина надо беречь.

За все время работы привратника трижды «спускали с цепи» – снимали с поста у ворот, чтобы он сопровождал хозяину. И всякий раз банкир приказывал готовить к отлету личную яхту, сделанную по особому заказу на верфях Элула. С виду похожа на сегментарный куб, яхта была способна выполнить до семи РПТ-маневров подряд – «маневровую цепь». Для этого сегменты корабля располагали, вращая на внутренних осях, согласно предварительному расчету штурмана. В целях безопасности угловые сегменты неизменно оставались угловыми, бортовые – бортовыми, а центральные – центральными.

Малые гематрицы, зафиксированные на гранях сегментов, таким образом складывались в единую, большую гематрицу, обеспечивавшую ювелирную точность курса. Жалованью штурмана мог позавидовать иной поп-кумир.

А стоимость яхты служила источником легенд.

– Ты остаешься, – бросил пожилой гематр привратнику, хотя тот его ни о чем не спрашивал. – Со мной летит Эдам. Этого достаточно.

Да, подумал привратник. Конечно.

Он хорошо знал возможности голема.

Когда голем удалился танцующей походкой, банкир еще некоторое время оставался на месте. В сравнении с элегантным, стройным Эдамом он выглядел старше своих лет. Но и

сейчас, в одиночестве, Лука не помолодел.

– Мы оба проиграли, – сказал он.

Привратник наострил уши. Вряд ли обращались к нему. Просто Шармаль-старший, разговаривающий сам с собой, выглядел очень уж непривычно. Будь привратник собакой, он бы заскулил, виляя хвостом. Но он был человеком, хотя и киноидом.

– Мы оба проиграли, Айзек. Ты прятал детей Эми. Я отказывался их искать. В итоге они нашлись сами. А мы с тобой оба – за скобками. Я хочу любить, Айзек. Я очень хочу любить. Кого мне нанять, чтобы он помог мне правильно любить?

«Я хочу веселиться, – почудилось киноиду. – Я очень хочу веселиться». Привратник мог поклясться, что слышит голос Шармаля-младшего. Впрочем, голоса отца и сына всегда были похожи.

Глава вторая

Сатрап заказывает невропаста

I

Еще мгновение (час? год? вечность?) назад его не было. А теперь – вот он, есть. Тело вернулось. И сознание вернулось. словно где-то щёлкнул таинственный переключатель, пробудив Лючано Борготту от небытия к жизни.

Глаза открылись сами.

Он узнал человека, склонившегося над ним.

Острое чувство *deja vu*: только что этот мужчина хлопотал над упавшим, облачен в хламиду медика. И вот – снова рядом. Сменил бело-зеленое одеяние врача на вехденскую рубаху из хлопка, с орнаментом по краю круглого ворота. Когда успел?

– Доброго огня, Фаруд. Коллапсар тебе в печенку! Где я? Лючано сосредоточился, собираясь задать главный вопрос:

– И вообще, какого...

– Самого лучшего, – усмехнулся полковник Сагзи. – Ты в гостях.

– В гостях? У кого?

– Можешь гордиться. Ты приглашен лично Пиром Саманганом, сатрапом Андаганского округа. Мы находимся в его загородном доме.

– Как я сюда попал? Не помню, чтобы синьор сатрап меня приглашал.

– В космопорте тебе стало плохо. К счастью, мы оказались рядом и поспешили доставить тебя сюда.

– Почему не в больницу?

Все прекрасно он понимал. Увы, дурацкие, никому не нужные вопросы сыпались из Лючано, как из прохудившегося рога изобилия. Вербальный понос – следствие нервного потрясения.

– А тебе нужно в больницу?

Замолчав, Тарталья прислушался к своим ощущениям.

– Нет, – он сел на кровати и спустил босые ноги на пол. – Я есть хочу.

Как ни странно, голод заметно притупился, но не исчез полностью.

– Что, опять? – изумился Фаруд. – Ну ты и проглот! Ладно, сейчас распоряжусь. Деловые переговоры надо вести на сытый желудок.

– О чем говорить будем?

– Сатрап Пир хочет тебя заказать.

Должно быть, «дорогой гость» изменился в лице, потому что Фаруд, едва заметно улыбнувшись, поспешил уточнить:

– Я имею в виду заказ услуг невропаста. Готов поработать

по специальности?

На пару секунд рассудок превратился в кипящий котелок. «Вехдены не лгут. Значит, правда», – отметил Лючано, и сам себе не поверил. «Стоило для этого меня похищать?! Обра- тились бы по-человечески...» – хотел возмутиться он, и про- молчал. «Осторожно! Берегись! Подвох!» – орали на два го- лоса маэстро Карл с Добряком Гишером. Про подвох Люча- но знал и без шумных альтер-эго. «У меня дефект! Я могу причинить боль заказчику...» – нет, и о дефекте он преду- преждать тоже не стал. Кому интересно, нормальный он ку- кольник или дефективный? Начнет кочевряжиться – упрям- ца без лишней суеты спустят в утилизатор.

Другого найдут.

– Сделаем в лучшем виде! – он подмигнул Фаруду. – Правда, суд Китты запретил мне практиковать ментальные воздействия на вудунских территориях... Но мы ведь на Ти- ре? Итак, что желает синьор сатрап? Коррекция торжествен- ной речи? Усиление эффекта обращения к народу? Раско- ванность на балу?

– Не торопись. Ты гость, и ты голоден. Тебя надо сперва напоить, накормить, ублажить беседой. Дела обождут. Иначе – кровная обида...

– Ничего, я не обидчив!

– ...хозяину дома. И его семье. И друзьям хозяина. Ты же знаешь: традиции мы свято чтим.

– Ладно, – вздохнул Лючано. – Ублажай.

С вехденской системой запретов он был знаком плохо. Знал лишь, что их – неисчислимое множество. Сагзи мог списать на традиции что угодно, вплоть до необходимости обедать, стоя на голове. Вехдены, конечно, говорят правду, но... Правду можно подать под разным соусом. Поди выясни: относится эта традиция к соблюдаемым неукоснительно – или так, архаизм?

«А нет ли у них традиции отправлять гостей в расход после завершения делового разговора? Или невропастов – после выполнения условий контракта?»

– Обед принесут сюда.

Оставшись в одиночестве, Тарталья принялся осматриваться.

Квадратная комната выглядела очень светлой, несмотря на отсутствие окон. Стены кремового цвета, белый потолок. Чистота, аккуратность, минимализм. Никаких излишеств. Низкая кровать с регулируемой жесткостью. На полу – паркет. Сквозь тончайший слой бесцветного лака виден древесный узор. У кровати – тканый коврик. Шкаф, в углу – стол, два стула.

Все.

Никаких хитроумных гаджетов, встроенной техники, мебели с изменяемой конфигурацией, металлопластов, синтетиков... Можно подумать, он провалился во времени на пару тысяч лет назад. Впрочем, неизвестно еще, что скрывается в стенах.

Под кроватью стояли туфли, купленные в космопорте. Он обулся, прошелся по комнате взад-вперед; заглянул в шкаф. Там обнаружился его замечательный фрак и прочее барахлишко. Наверху лежал пакет с шубой.

В дверь постучали.

– Ваш обед, господин Борготта.

Против ожидания, столиком на антиграв-подвеске управлял не угрюмый мордоворот в кафтане, смахивающем на военную форму. Обед доставила миловидная девица в изящном платье. Идет, как плывет; складчатый подол метет по полу – ног не видно. Хорошо, здесь полы чистые.

Не потому ли чистые, что метут?

Все блюда были накрыты сверкающими колпаками из металла. Узреть (и унюхать!) заранее, чем гостя собрались потчевать, не представлялось возможным. Лючано потянулся к ближайшему блюду и со свойственной ему ловкостью смахнул со стола вибронож.

– Ах!

– Вот, пожалуйста. Хотите, я принесу другой, стерильный?

– Н-не стоит беспокоиться...

Нож не успел испачкаться. Девица, глазом не моргнув, поймала его над самым полом. Двумя пальчиками за середину рукоятки. Лишь плеснул широкий рукав, да мелькнула рыбка-ладонь.

– Извините... – выдавил Тарталья. – Я такой неуклю-

жий...

– Пустяки, – улыбнулась вехденка.

Стало ясно: дернись гость невпопад – «официантка» скрутит дурака в бараний рог и завяжет тройным узлом. На тебе, любезный, вибронож, и второй ножик, из острой стали, и две вилки в придачу! Саблю хочешь? – бифштекс разделявать... Кушай на здоровье, смотри, не поранься.

Помни, у кого ты в гостях.

– Приятного аппетита!

Вехденка вышла. Стараясь, чтобы руки не слишком дрожали, Лючано приподнял один из колпаков. Суп. Горячий, густой, цвета шоколада с красным перцем. И аромат! Пах суп изумительно.

...пять-шесть шагов. Чем это пахнет? Духами? Фруктами?

В памяти распахнулась заслонка.

Тамир, Террафима, Китта. Тумидус, Юлия, Лука Шармаль... На сей раз все кардинальным образом отличалось от предыдущих «выпадений». Исчез «волшебный ящик». Сгинули без следа корректирующие нити. Но главное – там, во флуктуативных поисках, отсутствовал он сам, Лючано Борготта по прозвищу Тарталья!

Словно фильм смотрел по визору. Нет, не фильм – новостную «нарезку». Нет, иначе: книгу прочел, а сейчас вспо-

минает приглянувшиеся эпизоды. Опять не то... Он ел, не чувствуя вкуса. Только пожар во рту. Кажется, в меню входило лишь горячее, пряное и острое. Соус, безобидный на вид, был изготовлен из чистейшей плазмы. Так вот как веждены внутренний огонь вскармливают!

Запить, запить, скорее!

Ага, ягодный морс. Холодный, с кислинкой...

Как сказал Лука Шармаль? «Мы с тобой – за скобками...»? Банкир, ты говорил правду, даже не подозревая, что твоя правда включает в себя далекого невропаста. Вынесен за скобки собственных видений, Лючано оказался снаружи, вне; больше не участник и не зритель.

Кукла на гвозде, вдали от сцены.

«Подселенец» начал действовать самостоятельно. Он искал то, что его носитель и впрямь хотел бы увидеть. Но – без сознательного участия «куколки». Управлять действиями флуктуации? корректировать их? – ничего подобного. В нейроны мозга словно имплантировали фрагменты чужой памяти – полезный, но искусственный протез.

Шам-Марг предупреждала:

«Вживется – станет тобой. Вырастет – уйдет».

С безжалостной ясностью он понял: флуктуация избрала второй путь. Она готовится к уходу. Рано или поздно птенец покинет инкубатор. И это будет конец похождениям блудного невропаста. Сколько ему осталось? Месяц? Неделя?

День?!

Странное дело – осознание близости смерти не опрокинуло рассудок в бездны паники. Он доел мясные шарики с овощами, прикончил слоеный пирог с загадочной начинкой, по цвету напоминавшей крапиву, а по вкусу – джем из сливы с имбирем. Затем, сыто отдуваясь, перебрался на кровать.

«Ты стал фаталистом, малыш?» – спросил маэстро Карл.

II

– Как тебе наши харчи?

В отличие от девицы, Фаруд объявился без стука.

– Спасибо, выжил. От вашей кухни хоть прикуривай!

– Сегодня Пуран готовит, – хмыкнул Сагзи. – У него на специях «пунктик». Ну что, пошли?

Миновав коридор, они оказались в более просторной комнате. Окна ее выходили во двор сатраповой усадьбы. «Мы во флигеле», – понял Лючано. Рядом располагалась спортплощадка, вполне современная, с кортом, и хозяйственные пристройки – вросшие в землю «грибы» с крышами-куполами. Все двери по вехденскому обычаю выходили в одну сторону – на юг.

«Теперь я знаю, где на Тире юг. Ценная информация!»

– Садись, – Фаруд указал на одно из кресел. – Выпьешь чего-нибудь?

– Сок, вода, тоник – на твое усмотрение. В глотке до сих пор полыхает.

Кивнув, Фаруд набрал на сенсорной панели бара нужную комбинацию. В ответ бар сыграл три такта из песни «Не торопись, бродяга!», и наружу выехал поднос с двумя керамическими бокалами.

«Бокалы из керамики, – вспомнился фрагмент рекламы, – дают ощущение тепла, уюта и стабильности. Если Вы хотите установить с кем-либо дружеские, доверительные отношения, такой подарок поможет Вам это сделать. Не следует дарить керамические бокалы людям с консервативным складом ума...»

Почему керамика не годится для консерваторов, он забыл.
– Держи.

Вехден устроился на тахте, забросив ноги на приземистый столик: черное дерево с инкрустацией из перламутра. Наверняка антиквариат. Столик, в смысле, а не ноги полковника Сагзи. Довольный тем, что в критической ситуации сохранил чувство юмора, пусть даже и сомнительное, Лючано пригубил напиток – кивушевый сок со льдом.

Вкус детства! Сладость на грани приторности, с легкой горчинкой. Кажется, ему хотели на что-то намекнуть. Кивуши, «Не торопись, бродяга!», керамическая дружба...

– Ты гость. Значит, я начну первым. Не возражаешь?

– Ничуть.

– Хорошо. Я расскажу тебе – о тебе. Сам понимаешь, едва ты обнаружился на «Нейраме», я немедленно распорядился навести справки.

– Ну и как?

– Да уж навели, будь уверен. С детских лет, когда ты воровал фрукты у соседа Бертолуччо, – дедово имя далось вехдену с трудом. Ударение он поставил неверно: на первом «о», – и до последних событий. Суд на Китте, рабство у легата Тумидуса, гладиаторий на Тетрафиме. Твой визит к Юлии Руф тоже вроде бы объясним...

Фаруд взял паузу.

– Синьорита Руф предложила мне работу, – правильно понял намек Тарталья. – Я ее интересую, как ценный сотрудник. Невропаст-эксекютор, незаменимый человек для светлого будущего Помпилии. Мы обсуждали контракт. И тут твои орлы, синьор полковник...

– Бижан раззвонил? Насчет полковника? Клянусь, я его переименую из Бижана Трубача в Бижана Трепача! В качестве оперативного псевдонима, – гнев Сагзи, вне сомнений, был напускным. – Ладно, оставим. Лючано, ты обладаешь свойством притягивать неприятности за дюжину парсеков. Судя по биографии, это твоя единственная странность. Секретный агент из тебя, как из пены – сталь, уж извини за прямоту. Впрочем, надумай ты изучить мою биографию, пользуясь общедоступными источниками, ты тоже не заподозришь во мне исбахбаза службы расовой безопасности.

– Э-э... бахбаза?

– Это на вехд-ар. Полковника, если тебе так проще.

«Расовая безопасность? Интересная контора...»

– Но в твоей истории есть ряд «черных дыр». Они заставляют сомневаться в достоверности всего остального. Предлагаю по старой тюремной памяти сыграть в вопросы-ответы. Я спрашиваю, ты отвечаешь. За каждый честный ответ получаешь возможность задать один встречный вопрос. Идет?

В пыточной камере Мей-Гиле данная игра выглядела иначе. Вариант, предложенный Сагзи, казался не в пример гуманнее.

– Идет. Только я согласен играть в одни ворота. Спрашивай, я отвечу.

Вехден чуть не вскочил от изумления.

– Ты ничего не хочешь у меня узнать?

– Ничего. Мне о тебе, синьор бахбаз, и так все известно.

– Ну ты даешь! Шутник!

Фаруд расхохотался, хлопнув себя по колену. Однако в смехе крылась внутренняя напряженность. Керамическая дружба была с трещинкой. Если понадобится, вехден не задумываясь отдаст приказ о ликвидации «гостя». Он на лидер-антиса руку поднял, что ему какой-то кукольник? Луч в затылок, тело – в реактор.

«Не оскорбляй Хозяев Огня гнусными инсинуациями! – вмешался маэстро Карл. – Станут они твоим телом священный огонь поганить! Растворят в кислоте и выльют в унитаз...»

О флуктуации, готовой вырваться на волю, Лючано пом-

нил, но абстрактно. Так все помнят, что смертны. Смерть – это когда-то, а жить надо сегодня. И не торопиться складывать лапки. «Дабы потом не было мучительно больно», – говорил старый философ-эзекутор.

– В одни ворота – скучно. Какая ж это игра, а?

– Хорошо. Выиграю вопрос – оставлю его на потом. И при случае задам.

– Договорились. Начнем. Как ты убил психира?

– Тростью.

– Ты, случаем, не тайный вехден? Умеешь лгать правдой.

– Тебя интересуют подробности?

– Да.

– Изволь. Едва Кавабата «взломал» мою голову, хозяин-Тумидус это сразу почуял. Помпилианцы терпеть не могут, когда покушаются на их собственность. Они сцепились, а меня легат попросту вышвырнул. Чтоб не вертелся под ногами.

– Освободил?

– Да. Я очнулся, под руку подвернулась трость...

– Верю, – кивнул Сагзи. – Один вопрос за тобой. Переходим ко второму пункту. Как ты связан с Нейрамом Саманганом?

«Осторожней, дружок. Заподозри вехден, что ты в курсе операции с модифицированной куим-сё – можно сразу заказывать место на кладбище».

– Нейрам был моим «овощем» в гладиатории. Объяснять,

что это значит?

– Не надо. Продолжай.

Лючано отхлебнул сока, собираясь с мыслями. Главное: отсечь все лишнее, чего вслух говорить не следует.

– Я – невропат. Вот и решил войти с ним в контакт по-своему.

– Зачем?

– Так его было проще кормить. В итоге он ко мне привязался. Явился ужинать на «Нейрам», разворотив ходовой отсек. Там я и выяснил, кто он такой. Вскоре на нас напали фаги. Боекомплект закончился, я попытался расшевелить Нейрама, чтоб защитил...

– Ты вывел антиса в волновое состояние?!

– Не до конца. Иначе мы бы все сгорели. Но фагов это отпугнуло.

Минуту-другую полковник Сагзи пребывал в задумчивости. Затем снял ноги со столика, чуть не сбросив на пол вазочку с ветками тамариска, поставил свой бокал на пол – и улегся на диванчик лицом вверх.

– Что ж, я дважды твой должник. Показания Бижана подтверждают твою версию. У вас с антисом еще сохранился контакт?

– Не знаю. С тех пор мы не виделись.

«К счастью», – чуть не добавил Лючано.

– Ничего, скоро узнаем. А пока будем исходить из этой возможности. – Фаруд оживился. Он достал из-под диван-

ного валика пульт дистант-управления и навел на стену, задрапированную коврами. – Теперь, дружище, нас ждет любопытная подборка новостей...

– Можно, я использую один выигранный вопрос? – спросил Тарталья.

– Конечно!

– Ты иньектор в нос совать не будешь?

III

– Иньектор? В нос? Зачем?!

Сагзи нахмурился. В словах собеседника крылся подвох. Это нервировало полковника, лишая возможности ответить.

– На Тамире некий маньяк тоже мне новости показывал. Зафиксировал силовыми «лентами» и устроил просмотр. А перед тем ввел себе защитную «кому» через нос. Трижды.

– Трижды? – не поверил Фаруд.

Похоже, ему было хорошо известно, как пользоваться «комой».

– Ага. Боялся, что я пси-мутант.

– И впрямь маньяк. Но ты же не думаешь...

– Ничего я не думаю. Просто этот псих – наш общий знакомый. Мей-Гиле помнишь? Федерала, который тебя допрашивал?

– Так это он – маньяк?

Лицо полковника Сагзи посуровело. В углах рта залег-

ли жесткие складки. Взгляд стал ледяным. Лючано пожалел, что затронул болезненную тему. Молчал бы себе в тряпочку! – никто ведь за язык не тянул...

Но идти на попятный было поздно.

– Он самый. Его с работы поперли, вот он на Тамире и окопался. В качестве альгвасила. Это у них вроде шерифа.

– Возьму отпуск, слетаю на Тамир, – пообещал Фаруд, не спеша оттаивать. – Должок взыщу.

– Мертвым не мстят. Разве что на могиле станцуешь...

– Твоя работа?!

– Нет. Ему Заль шею свернул. На моих глазах.

– Этот может, – с удовольствием подтвердил Сагзи. – Похлопочу, пусть Залю медаль дадут. «За взыскание чужих долгов». Ладно, вернемся к нашим новостям. Обещаю тебя не связывать, и себе в нос ничего не прыскать.

Он нажал кнопку на пульте. Центральный ковер на стене скользнул вниз, открывая проекционную установку. Голосфера накрыла обоих, без предупреждения швырнув в гущу событий.

– Мы ведем наш репортаж с обретшего независимость Михра, – надрывался диктор. – С того места, где еще два часа назад располагался дом прославленного борца Мансура Гургина. Как вы сами можете видеть...

Диктор тараторил на вехд-ар. Для «гостя» Фаруд запустил синхро-дубляж на унилингву. Однако Лючано, считай, оглох. Все внимание приковала открывшаяся картина.

Над дымящимися развалинами угрюмо возвышались огрызки трех опорных столбов, измочаленные и обугленные. Четвертый столб отсутствовал, вместе со стенами и крышей. Угол обзора переменялся. Зрителю дали заглянуть вниз, в недра уходившего под землю дома. Мешанина рухнувших перекрытий, осыпавшейся земли, обломков мебели. Темные провалы ведут ниже; кажется – в преисподнюю. Над руинами зависла платформа спасателей. Знакомая всем эмблема – «рука помощи» зеленого цвета – выглядит ядовитой насмешкой. Снизу подали команду, и силовой луч с платформы поднял на поверхность исковерканное тело. Вместо одежды – лохмотья в крови, руки-ноги вывернуты под немыслимыми углами, как у сломанной марионетки; голова болтается, лицо обращено за спину...

«Мансур? Неужели он тоже погиб?!»

Лючано помнил старого борца по одному из «выпадений». Воплощение уверенности и мощи. Такого человека невозможно представить мертвым!

– ...под развалинами найдено семь тел погибших. Трое выживших с тяжелыми травмами и ожогами доставлены в клинику неотложной хирургии. Судьба еще четырех человек пока неизвестна. Спасательные работы продолжаются. После смерти Мансура Гургина, случившейся полгода назад, его дом был взят под охрану государства и превращен в мемориал. Действующий тренировочный зал, куда приезжали борцы со всей...

Старик-пахлаван умер шесть месяцев назад.

Тихая смерть силача в собственной постели казалась еще более невероятной, чем гибель под обломками взорванного дома.

Камера взяла панораму с высоты птичьего полета. Степное разнотравье, костры цветущих маков; решетчатые башенки энергоретрансляторов. Посреди идиллической картины – разверстая язва. Суется спасатели, урчит деловитая техника...

– Причины взрыва выясняются. Следственная комиссия приступила к работе. Представитель следствия по связям с общественностью поделился рабочей версией трагедии.

Напротив возник худощавый вехден в военном, застегнутом наглухо френче, без знаков различия. Колючие льдинки глаз, волевые бугры у рта, тонкие злые губы.

– Мы имеем дело с жестокой и циничной провокацией против молодой Михрянской республики. Судя по характеру разрушений, наши враги провели испытание нового типа оружия космического базирования с применением гиперпространственного средства доставки. В данный момент ведется расчет гипертравяющей траектории для определения места запуска...

Зрителей перенесли в открытый космос. Желто-голубой шар Михра плыл под ногами далеко внизу. Красная стрелочка указывала точку на поверхности планеты, куда пришелся удар агрессора. Слева надвинулся серебристый цветок орби-

тальной станции слежения. Лепестки-антенны сканировали пространство во всех мыслимых диапазонах.

Картинка из серии «На страже рубежей Родины».

– ...не случайно. Известно, что пахлаван-пир Гургин придерживался ортодоксальных взглядов. То же можно сказать и о большинстве его учеников. Именно поэтому дом-мемориал великого борца стал мишенью для провокации. Мы решительно заявляем всем, кто лелеет надежду обвинить в содеянном реформистское руководство независимого Михра...

– А это правда не они? – спросил Лючано.

– Правда.

– И не вы?

– И не мы. Смотри дальше. Сейчас увидишь, что произошло через тринадцать часов...

Мир вокруг моргнул, схлопываясь. На долю секунды сквозь голосферу проступили очертания комнаты. Мигом позже Тарталья вернулся на Михр, к руинам злополучного дома. Он не сразу понял, что здесь изменилось. Огрызки столбов исчезли. От развалин осталась лишь огромная воронка. Отвалы вывороченного грунта пестрели мелкими обломками дерева, камня и пластика. В центре воронки дымился провал, где уже ничего нельзя было разглядеть.

– ...спустя тринадцать часов с момента первой атаки. Имеются жертвы среди спасателей. Кажущаяся бессмысленность повторения варварской акции, по мнению экспертов,

подтверждает тот факт, что мы имеем дело с испытанием нового типа оружия. На сей раз агрессор, по-видимому, проверял точность наведения, которая оказалась высокой: эпицентры обоих выбросов энергии совпали до двух-трех метров. Правительство независимого Михра направило ноту протеста кею Ростему I и Совету Трех Сословий...

Возникла лаборатория вычислительного центра. Ряды терминалов, операторы, занятые работой; на сводном дисплее размером в полстены – диаграммы, графики, колонки цифр. Модель звездной системы с пересечением пунктирных линий. Мрачный генерал в форменном темно-синем кафтане, украшенном эполетами и «лестницами» орденских планок, сняв фуражку с высокой тульей, рубил воздух рукой:

– ...не можем ждать, пока чиновники Лиги соберут совещание и решат этот вопрос! К Михру уже выдвигается миротворческий контингент войск Помпилианской империи, первой признавшей нашу республику. Совместными усилиями мы обеспечим...

Снова – космос. Над планетой курсируют боевые корабли вехденов – не поймешь, имперские или республиканские. Патрулируют? Готовятся к атаке?

– Один из выживших спасателей утверждает, что видел на руинах призрак лидер-антиса Нейрама Самангана, погибшего при невыясненных обстоятельствах! Слово предоставляется чудом уцелевшему очевидцу!

Лючано едва не ударился в бегство, когда на него стрем-

глав надвинулось лицо: гигантское, закопченное, с безумно выпученными глазами. На лбу – нашлапка регенеративного пластыря, волосы всклокочены.

– Я его видел! Видел! Он блуждал по пепелищу, одетый в рубище. Наш спаситель, Нейрам Саманган, величайший из антисов! Это знак, знамение! Он воскрес, явившись на Михр, чтобы подтвердить: мы избрали верный путь! Путь реформизма и очищения!..

Похоже, спасателя изрядно приложило. С головой у него точно были проблемы: приверженец традиций, Нейрам Саманган никогда бы не стал поддерживать реформаторов. Очевидец антического явления походил на пророка Хосенидеса. Фанатизм, дикий блеск взора; убежденность в своей избранности возносит над толпой...

Эскалона. Разрушенный гладиаторий.

Жертвы.

«Ничего не напоминает, малыш?»

– Через сутки все повторилось еще раз, – сообщил Фаруд. – Сценарий тот же. Записи есть, но смотреть там нечего. Воронка стала глубже, объявилась пара новых очевидцев. Все.

– Нейрамов «призрак» видели?

Сагзи кивнул, и голосфера погасла.

– Аппаратура «призрака» не засекала?

– При выбросах энергии все системы наблюдения в радиусе полукилометра накрывались медным тазом. Получить

картинку со спутника не удалось: выбросы сопровождались мощными помехами.

Сомнений не осталось: это Пульчинелло.

Лючано знал, в какую дверь ломится безумный «овощ»-антис.

IV

Итак, допустим, я – антис.

Что говорите? Не допустим? Не дано обычному человеку влезть в шкуру уникама? Ха-ха три раза! После «экскурсии» с Шам-Марг, пирог с начинкой из огрызка флуктуации, растущего как на дрожжах, кукловод и кукла «волшебного ящика», я могу представить себя кем угодно!

Хотите, представлюсь вами?

То-то.

Лучше прикусите язычок, а я продолжу.

Итак, я антис, которого превратили в работа. Я был рабом, и знаю, что это такое – *робот*. Печенкой, спинным мозгом, задницей чую! Мое сознание заперто в темнице без окон и дверей. Недавно кто-то скребся в мою тюрьму извне. Сознание встрепенулось. Оно принялось колотить в стены, которые само же и воздвигло вокруг себя – устраивая карантин, спасаясь от коварного вируса в мозгу. Увы или к счастью, наружу пробились лишь слабые, бессвязные отголоски. И сознание вновь окунулось в летаргию, скорчившись на

грязной подстилке.

Зато ожили инстинкты.

Инстинкты не знают слова «стены». Они вообще не знают слов. Зато им ведомо другое: чувство голода, например. Смутная привязанность, которая толкнула узника прочь с планеты, в волну, через космос – туда, где находился человек, приносивший еду. Материальная тюрьма рухнула; психеи устояла.

В *большом* теле мне, антису-роботу, лучше, чем в *малом*. Долго-долго кружусь вокруг теплого шарика. Много-много сладких лучиков пронзают меня насквозь. Приятная щекотка. Часть лучиков остается внутри. Пища. Сытость. Удовольствие.

Я-маленький так не мог.

Рядом – подобная мне, только больше. Я тоже хочу, как раньше назад: совсем-совсем большим. Хочу обратно: туда тогда. Вернуться. Вернуть себя.

Возвращаюсь.

Бьюсь лбом: больше-меньше-больше...

Ничего не получается. В *туда* получается, а в *тогда* – ни за что. Мне надо в туда-тогда. Пробую снова. Нет. Но я хочу!...

Решение лежало на поверхности.

Нейрам Саманган возвращался в ту точку пространства, где в последний раз был самим собой в полном объеме. В

раздевалку рядом с душевой комнатой в доме Мансура Гургина. Антис инстинктивно желал стать прежним. Изменить себя, вернуться в здоровое состояние, лишенное вируса роботизации; сместить зараженный «организм» по шкале пространства и времени.

«Нейрам хотел, как я, – объясняла Шам-Марг. – Дальше вперед, раньше назад, здесь сейчас. Не умел. Научился, думаю. Вдруг раньше назад ушел. Вернуться не может. Он раньше назад маленький, глупый был. Врача очень просим исправлять...»

Робот-антис пытался обойтись без врача. Пробовал эволюционировать на манер флуктуаций высоких уровней. И всякий раз бился в несокрушимую преграду времени. Здесь, но не сейчас! Как летящий на свет мотылек. Как верный пес, ждущий у крыльца покинутого дома. Хозяин обязательно возвратится, и все станет, как раньше...

V

– ...ты меня слушаешь?!

– Слушаю.

– Что я только что сказал?

– Ты сказал: никакой это не призрак. Это Нейрам.

– А ты?

– А я молча согласился. Признаться, я тоже не очень-то верю в призраков.

– Молодец.

Лючано не понял, почему он молодец: из-за неверия в призраков, или потому что слушает Фаруда? Но переспросить не рискнул.

– Вот мы и добрались до главного. Пир Саманган намерен вернуть сына.

Полковник Сагзи выдержал паузу. Наверное, следовало что-то ответить, или изобразить восторг от такого проявления отцовской любви. Увы, Лючано твердо решил держать язык за зубами, помалкивая о своих парадоксальных выводах. Внутренние голоса (тоже безмолвно!) всячески одобряли это мудрое решение.

Не дождавшись реакции, Фаруд насупился и продолжил:

– Мы предполагаем, что Нейрам в ближайшее время снова возникнет на Михре. Место его появления известно. Двое суток он не объявлялся, но это ничего не значит. Есть шанс повысить вероятность его визита. Двойная приманка: место, которое привлекает антиса...

– Его привлекает дом Мансура Гургина? Интересно, почему?

Тарталья задал вопрос, глядя на собеседника в упор с невинностью закоренелого афериста. Очень уж хотелось посмотреть, как правдивый вехден начнет выкручиваться.

– Нейрам был учеником пахлаван-пира, – Фаруд не задержался с ответом ни на секунду. – Он любил и уважал учителя. Подолгу жил в его доме...

В словах полковника содержалась чистая правда, одна правда, и ничего, кроме правды. Ни грана лжи. Вот только на вопрос он фактически не ответил. Просто озвучил вслух ряд подробностей из взаимоотношений антиса и старого борца. А считать это ответом, или нет – ваше личное дело, синьор кукольник.

– Я понял. Первая приманка – дом. А вторая?

– Вторая приманка – ты.

– Я?

– У вас с Нейрамом связь. Он нашел тебя на корабле. Если ты будешь находиться рядом с тем местом, которое его притягивает – вероятность явления повышается.

– Ну да! Я, значит, стану сидеть в воронке и ждать, пока Нейрам поджарит меня до хрустящей корочки? Благодарю покорно!

Сок из кивушей стал горьким, как полынь.

– Зачем же в воронке? – Фаруд обезоруживающе засмеялся и развел руками, словно желал заключить Борготту в дружеские объятия. – Километр от эпицентра – вполне безопасное расстояние. Кстати, я лечу с тобой. И не я один. Никто не хочет превратиться в жаркое, приятель. Риск мы сведем к минимуму.

– Хорошо, – морщась, Лючано допил сок и отставил в сторону керамический «бокал дружбы». – Допустим, Нейрам прилетит на пепелище. Что дальше? Как вы собираетесь его удержать? Он ведь «овощ»! На слова не реагирует, знакомых

не узнает...

– С твоей помощью, разумеется. Ты ведь сумел его активировать?

– Не до конца! Иначе мы бы тут не разговаривали.

– Пусть не до конца, – покладисто согласился Фаруд. – Но саму методику активации ты помнишь?

– Ну... в общих чертах.

– Вот и умница. Когда Нейрам объявится, ты сделаешь то же самое, только наоборот. Успокоишь его, не дашь вернуться в *расширенное* состояние.

– А если у меня не получится? Мы ведь тогда погибнем! – Лючано вчистую проигрывал словесную битву, но пытался сопротивляться.

– Надо, чтобы получилось. Я верю в тебя. Ты справишься.

Пафос в голосе Фаруда звучал искренне: ни единой нотки фальши.

– И что потом? Что вы собираетесь делать с Нейрамом?

– Это вопрос к его отцу, сатрапу Пиру. Думаю, отец приложит все усилия, чтобы вернуть сына в исходное состояние.

«Вот же змея! – сделал вехдену комплимент маэстро Карл. – Сказал – и понимай, как хочешь. „Исходное состояние“! Какое – исходное? Антиса или „овоща“?»

– Контракт мы подготовили заранее. Ставь подпись, и в путь.

Вопроса, согласен ли Лючано подписать контракт, Фаруд не задал.

– Сумма гонорара еще не проставлена. Во сколько ты ценишь подобную работу? Не стесняйся! – заказ уникальный...

Кинули кость: гонорар. Камень преткновения. Предмет наиболее ожесточенной торговли. А тут – радуйся, невропаст! Называй сумму – не жалко! Все равно потратить заработанное вряд ли сможешь: кто ж тебя отпустит, такого умельца?

– Тридцать миллионов экю.

– Что-о-о? Ну у тебя и шуточки!

Это был звездный час Лючано Борготты.

– Какие шуточки? Мой последний гонорар составил ровно тридцать миллионов. За две минуты работы. Не веришь, могу продемонстрировать свой счет. Там указано...

– Верю, верю! – натужно хохотнул полковник. – Но тебе не кажется, что это уж слишком?

– Ничуть! Синьор сатрап нанимает не абы кого! Я – невропаст-универсал. Экзекутор. Контактёр с безумцами-анти-сами. Далее: я – рецидивист. Две судимости...

Тарталья начал загибать пальцы, как гематр в космопорте.

– Причинение ментального вреда помпилианцу. Боевая высадка на варварскую планету. Массовый захват пленных. Участие в рукопашной, спасение командира. Аварийный старт на орбиту с использованием нестандартного энергоресурса. Битвы с флуктуациями – в ассортименте. Гладиаторий. Убийство психира. Общение с пенетратором. Побег из-

под стражи. Перестрелка, захват спасбота... Хватит?

– Ну ты даешь! – восхитился Фаруд. – После экспедиции на Михр я зачислю тебя в спецназ. Инструктором. А главное, ни слова не соврал. Уважаю! Но тридцать миллионов... Да, ты еще кое-что забыл из послужного списка. Ослабленную чувствительность к нейроколлапсаторам.

– Что-о-о?

– Быстроразлагающиеся одоранты. Вызывают временный паралич центральной нервной системы. Безвредны и эффективны.

– А при чем тут я?

– В том-то и дело, что ни при чем. Не действуют они на тебя.

– Это в космопорте?

– Именно. Ты должен был лежать в отключке часа четыре, – Фаруд приоткрыл некоторые карты, намекая: ерепениться опасно. – А очнулся в мобиле, минуты через три.

– Очнулся?

– Не помнишь?

Полковник с подозрением уставился на собеседника. Опять шуточки?

– Ладно, освежим тебе память.

Взмах пультом, и Лючано оказался в салоне едущего мобиля. Напротив, пристегнут к стандартному медицинскому ложу, лежал он сам. На сиденьях по обе стороны расположились крепкие, плечистые вехдены в бело-зеленых хлами-

дах. Парализованный пленник вдруг зашевелился и прежде, чем «медики» успели среагировать, ловко высвободился из захватов.

– Не надо волноваться, синьоры, – пленник сел. – Я не окажу сопротивления. Я готов к сотрудничеству.

Вехдены ошалело пялились на «клиента», которому по всем законам биохимии полагалось лежать без чувств и помалкивать.

– Пожалуйста, одолжите мне уником.

– Еще чего! – возмутился один из «медиков».

– Вы можете смотреть, – пленник срезал его доброжелательной улыбкой. – Если мои действия не понравятся, скажите. Я прекращу.

Фаруд-«врач», сбитый с толку, протянул нагледу коммуникатор. Наклонившись вперед, полковник был готов в любую секунду принять «срочные меры».

– Отправка голосового сообщения через гиперканал. Адресат – Антоний, гражданин Помпилии, фамилия неизвестна. Начальник личной охраны Юлии Руф. Место нахождения – Террафима, система Марзино, – пленник поднял глаза на Сагзи. – Не волнуйтесь. Я намерен сообщить ему, где Юлия.

Внимательно прослушав надиктованное вслух сообщение, Фаруд-«врач» ничего крамольного не обнаружил и кивком подтвердил: можно отправлять. Затем пленник выяснил фамилию и имя охранника, дежурившего в космопорте у пункта гиперсвязи. Отыскал в местном вирте каталог

спортивных тренажеров, заказал навороченный мультимедийный нано-био-комплекс «Лидер» за тридцать семь тысяч экю – и распорядился доставить подарок на дом охраннику.

После чего заявил, что голоден, и принялся с жадностью поглощать бутерброды, полученные от конвоиров.

– Фаг меня заешь! Ничего не помню! – бормотал Люча-но-нынешний, наблюдая за собственными проказами.

«Ага, фаг заешь! Флуктуация своевольничает, дружок».

«Не так уж и своевольничает, – отбрил экзекутора маэстро Карл. – Малыш, ты ведь это и собирался сделать? Уведомить Антония, отблагодарить охранника...»

«Да, маэстро. Но...»

«Дружок, твое „но“ дурно пахнет. Огрызок стал пенетратором. Пока он следует твоим желаниям, но что дальше?»

Писк уникома: не в записи, реальный – и сфера схлопнулась.

– Да, здесь... В полном порядке. Слушаюсь!

Фаруд дал отбой.

– Тебя ждет сатрап Пир. Даю совет: придержи свое чувство юмора.

VI

Отец был очень похож на сына.

Да, конечно, наоборот: сын на отца. Но так сложилось, что

сперва Лючано увидел Нейрама Самангана, «овоща»-анти-са, и лишь теперь – сатрапа Пира Самангана. Мощное телосложение, знакомые черты лица, в глазах светится пронизательный ум. Такого «замазкой» с ложечки не накормишь.

– Располагайтесь, – сказал сатрап.

Он принимал посетителя, одет по-домашнему. Тапочки, штаны из хлопка, рубаха навыпуск. На макушке – крошечный тюбетей. Если не оценивать качество ткани и ручной вышивки, можно подумать – перед тобой не государственный деятель, а здешний садовник. Тем более, что кабинет напоминал оранжерею. Стеллажи с цветами, гнезда для кустов, система капельного полива – контроллеры, насосы-дозаторы для удобрений, био-добавок и кислот; блок регуляции температурных циклов...

Чувствуя себя в джунглях, Лючано осматривался, узнавая в лучшем случае одно растение из десятка. В душу закрался страх. Казалось, из рукотворных зарослей сейчас выползет удав или прыгнет леопард.

– Это лихнис.

Повернувшись к гостю спиной, сатрап любовался кустом метровой высоты. Подсвечен скрытым «псевдо-солнцем», весь в цвету, куст горел темно-алым пламенем. Наверное, в статном, величественном, скромно одетом Хозяине Огня, когда он встал у живого пожара, усматривалась известная аллегория. Но гостю сейчас было не до символов.

– Лихнис халцедонский, иначе горицвет. По строению по-

хож на гвоздику, по окраске – на мак. Любуясь им, обретаешь бодрость и энергию. А это – тигридия павлинья. Красавица, да?

– Да, – ответил Тарталья, чтобы не молчать.

Тигридия походила на стареющую провинциалку, доставшую из шкатулки все драгоценности, какие были. Желток, оранжевый, кровь, пурпур; зев – пятнистый, махровый. Светло-зеленые мечи листьев охраняли сокровища, выставленные напоказ.

– Вы недавно видели моего сына. Как он?

– Э-э... В общем, нормально.

«Ты идиот, малыш, – вздохнул маэстро Карл. – Расскажи еще, что сынок хорошо кушает. За папу, маму и тебя лично. Прибавил в весе. Дерется. Начал потихоньку летать...»

Сатрап, взяв ножницы, стал удалять у лихниса отцветающие головки. Его действия вызывали неприятные ассоциации. Глядя на властного садовника, повернувшегося к гостю в профиль, Лючано обнаружил, что крылья носа у Пира татуированы. Вначале это не слишком бросалось в глаза. Ага, и тройная складка между бровями, похожая на букву W – имплантант, косметический или функциональный.

Следование обычаям?

Оставленные на память грешки молодости?

– Ваш контракт на столе. Там же – подписка о неразглашении. Надеюсь, вы понимаете, что молчание – золото?

– Да.

– Хорошо. Я не люблю прибегать к насилию без крайней нужды. Обратите внимание: в контракте прописана возможность продления срока действия по обоюдному соглашению сторон. Трудно предсказать заранее, какое время мой сын будет нуждаться в ваших услугах. Заверяю вас, что вознаграждение превысит самые смелые ваши ожидания.

Лючано не сомневался, что обоюдное согласие – фигура речи.

Он смотрел, как Пир Саманган, закончив возню с лихнисом, переходит к следующему «клиенту»: перистые листья цвета хаки, соцветья ярко-желтые, похожие на щитки. Защелкали ножницы, обрезаая тонкие побеги. Пряный запах распространился по кабинету.

Похоже, хозяин одобрял тот факт, что гость не торопится схватить контракт.

– Вы в курсе истории рождения моего сына?

– Э-э...

– Не надо лгать. Все в курсе, значит, вы тоже. Однажды я уже терял Нейрама, чтобы найти – там, где и не предполагал. Сейчас это повторяется на новом витке спирали.

На миг прервав работу, сатрап откинул волосы, упавшие на глаза. Роскошная грива до сих пор оставалась темной. «Должно быть, красится, – подумал Лючано. – Если выкрасть блондина-Нейрама...» Прошло не более пяти минут с того момента, как он вошел в оранжерею. Пять минут, и сходство отца с сыном куда-то улетучилось.

«Они совершенно не похожи. Ни капельки...»

– Я слушаю. Говорите.

– О чем?

– О ком. О моем сыне.

Под щелканье ножиц Лючано заговорил. Воспоминания облекались в слова. «Овощехранилище» гладиатория. Дверь из титанопласта. Ряды камер, забранных решетками. Ухмыляется, подмигивая, ланиста Жорж.

– Он до сих пор в Эскалоне?

– Ланиста? Думаю, он погиб. Ваш сын разрушил гладиаторий, стартуя вслед за мной.

– Жаль.

«Если Жорж Мондени остался в живых – он твой должник, дружок, – вмешался Гишер. – Вряд ли наш цветовод интересовался ланистой из соображений благотворительности...»

– Продолжайте. Я слушаю.

Тщательно взвешивая каждое слово, Лючано повел рассказ дальше. Банки с замазкой; миска и ложка. Первая попытка войти в контакт. Вторая. Главное: не называть анти-са – Пульчинелло. Ссадины и синяки Нейрама после «арены». Боль, как способ вывести подопечного из боевого цикло-транса.

– Кто бил моего сына?

– Другой «овощ». Извините, так в гладиатории зовут подопечных...

– Вы ни в чем не виноваты. Продолжайте.

Он говорил, как шел по канату. Аромат оранжереи кружил голову. Неужели сатрап часами выдерживает здесь? Аметистовые, белые, серебристые пятна. Шелест листьев. Тихая капель. Взрывается реакторный отсек: пришел антис. Смыкают кольцо голодные фаги. Башня молчания: невропат обкладывает дровами исполинскую статую. Горит костер. Горит экипаж «Нейрама».

Дождь.

Птица Шам-Марг.

– Все. Больше я ничего не знаю.

– Это хорошо, – кивнул сатрап. – Вы и так знаете очень много.

«Он никогда не отпустит меня. Контракт – иллюзия. Видимость свободы выбора. Айзек Шармаль не мог убить племянников – и взамен громоздил сложность на сложность. Пир Саманган будет держать меня при сыне; кукольника – при кукле. Даже если у меня есть один шанс из ста оказать на антиса влияние, он прикует меня цепями к Нейраму до конца моих дней. Шармаль-младший не мог убить племянников. Саманган-старший...»

Случайная догадка превратилась в уверенность. Отец принес сына в жертву. Не в силах убрать физически, устроил сложнейшее пси-покушение. Фаруд Сагзи – исполнитель. Истинный организатор провокации, в итоге которой лидер-антис вехденов погиб для всех, а для немногих по-

священных навеки поселился в хосписе «Лагуна» – вот он, цветочки выращивает. Ждет, когда завяжутся ягодки. А ведь любит сына, вне сомнений, любит...

«Какому богу ты пожертвовал дитя, сатрап? Какому демону?»

– Я рад, что Нейрам нашелся. Надеюсь, с вашей помощью, – Пир тщательно избегал называть гостя по имени. Возможно, для вехдена-традиционалиста это значило что-то важное, – мы сумеем вернуть его в исходное состояние. Вы оправдаете оказанное вам доверие?

– Я... э-э... я постараюсь.

– Помните, от ваших действий зависят не только человеческие судьбы. В ваших руках – судьбы держав. Будь я кукольником, я бы задрожал при одной мысли, что мне досталась такая невероятная кукла...

Лючано не понял, кого имеет в виду сатрап: сына-антиса, или государство, чья судьба лежала на весах. Замолчав, не желая развивать сказанное, Пир вдыхал запах незнакомого цветка, похожего на горящую свечу. Трепетали татуированные ноздри. Дергалась между бровями складка-имплантант. Словно над цветком висела наркотическая аура, мало-помалу распространяясь на сознание Пира Самангана.

– Исчезновение моего сына – камешек, породивший лавину. Нейрам с его фанатичной, безрассудной преданностью кею Кобад IV был, к сожалению, залогом развития болезни. Залог пропал, Кобад отрекся; болезнь перешла в операбель-

ную фазу. Кровь, огонь, распад – вот путь, открывшийся перед вехденами. Горнило, в котором куется свободный от заразы реформизма клинок. Ледяная купель, где возрожденный в новом качестве меч закалится. Избавляясь от смертоносной опухоли, надо резать по живому. А затем по живому сшивать. Иного пути нет...

Он бросил «свечу» в утилизатор.

– Впрочем, мы ушли от темы. Подписывайте, контракт ждет.

– Вы в курсе, – спросил Тарталья, – нюансов моей работы?

«Может, флуктуация внутри – это хорошо? Когда осталось недолго, имеешь право чуть-чуть походить с прямой спиной...»

– Подписывайте. С нюансами – к Фаруду, он изучит.

– И все же рискну отнять у вас еще минутку. Мы, невропасты, трижды спрашиваем у заказчика разрешения на коррекцию, – он благоразумно умолчал о том, что искалеченная психика антиса позволяла обойтись без разрешения. – Наше воздействие минимально. Рядом с возможностями помпилианцев, телепатов или психиров – ничтожно. И тем не менее, заказчик должен трижды согласиться. Если маленький человек три раза дает согласие на микро-коррекцию... Сколько же раз надо спросить согласия у целой державы, чтобы бросить ее в костер? Даже ради благой цели?

Сатрап с интересом смотрел на него. Лючано ждал взрыва эмоций, приказа выйти вон, равнодушия – чего угодно, но

только не прямого ответа.

– Ни разу, – улыбнулся Пир Саманган. – У державы ничего нельзя спрашивать. Иначе рискуешь целую вечность топтаться на месте, не сделав и единственного шага. Вы будете подписывать контракт?

«Нет», – хотел сказать Лючано.

Но не успел.

Контрапункт Лючано Борготта по прозвищу Тарталья (почти сейчас)

Почему трехлапая собака вызывает большие сочувствия, чем одноногий человек? Вид больной обезьяны терзает душу сильнее, чем нищая старуха, ковыляющая в магазин за буханкой хлеба. И ведь нельзя сказать, что животных мы любим, а людей – не слишком. Себя-то уж наверняка любим больше всех собак и обезьян, сколько их ни есть. Ребенок смотрит сериал «Никки», рыдает, видя раненого дельфина, из последних сил рвущегося на свободу. Спустя полчаса этот же ребенок лупит своего сверстника – завалил на землю, уселся сверху и тычет кулачками в замурзанную физиономию побежденного.

Мы нервные, как бешеные голуби. Скандальные, как зайцы весной. Хрюкаем, ржем, рычим. Мы видим в зверях – людей, вот и сочувствуем. А в людях мы чаще всего людей не видим.

Разве что в зеркале.

Тир, Андаган, загородный дом сатрапа Пира Самангана

– Старший лейтенант Шенбелид!

Точно определить источник звука не получалось. Акустика помещения создавала впечатление, что в комнату кто-то вошел и расхаживает, не торопясь, из угла в угол. Старший лейтенант Шенбелид, для друзей и непосвященных – Гив-барабанщик, вскочил с тахты, вытянувшись по стойке «смирно».

– Ваш рапорт удовлетворен. Собирайтесь, машина ждет во дворе.

– Ты подал рапорт? – удивился гитарист Заль.

– Ага, – кивнул барабанщик.

Лицо его от плохо скрываемого возбуждения покрылось капельками пота. Гив не ожидал, что рапорт так быстро пройдет все инстанции.

– Ты не летишь на Михр?

– Нет.

– Устал? Нервный срыв?

– Я в порядке. Просто я не хочу в этом участвовать.

– Почему?

– Оставь его в покое, – прервал гитариста Бижан. Сегодня, с самого утра, он большей частью молчал. Даже когда Гив с Залем уселись играть в нарды, азартно вскрикивая в особо

яркие моменты партий, Бижан следил за игрой, не проронив ни слова. Не насвистывал любимый мотивчик – «Дождь в Кохен-деже»; не бурчал, что хочет есть, а до обеда далеко.

Таким он обычно становился перед началом сложной операции.

– Нет, командир, пусть он скажет: почему? – гитарист категорически не желал угомониться. – Если на что-то намекает, пусть скажет прямо! А то взял моду: рапорты тайком подавать...

– Угомонись, Заль. А ты, Гив, иди. По возвращении я тебя найду.

Трубач почувствовал странную двусмысленность сказанного и добавил, снимая напряжение, повисшее в воздухе:

– Закажем ужин в «Розе ветров». Вино, цыплята, плов с чечевицей... Помянем наших, кто не долетел. Сейчас не получилось, так, чтоб по-человечески – значит, отквитаемся. Ты иди, тебя ждут...

– Ага, и партию доиграем! – могучий «йети» долго сердиться не умел. Он с сожалением посмотрел на доску, где, по мнению Залы, ему светила победа, а Гиву – разгром. – Нарды просто так бросать нельзя, на середине. Удача задом повернётся.

– Я не слишком суеверен, – улыбнулся барабанщик.

Он лукавил. Он был очень суеверен. И знал, что нарды – древний символ неба, где движутся фишки-звезды. Дюжина гнезд на каждой половине доски – двенадцать месяцев стан-

дарт-года, деление доски на четыре части – четыре сезона... Гив мог перечислить до двух десятков таких вот символических зависимостей. Он впервые в жизни оставлял партию недоигранной, и нервничал.

Но выбора не оставалось: Гива ждала машина.

Спустя шесть минут, с сумкой на плече, он подходил к лифту. Неприятно чувствовать себя предателем. Особенно, если ты – самый молодой в группе майора Хезервана, больше известного как Бижан Трубач. Барабанщика откомандировали в группу после гибели предыдущего ударника. Для легенды требовался музыкант ритм-секции, а у Гива Шенбелида за плечами были восемь лет музыкальной школы по классу ударных.

И пять лет Эрдеширского высшего командного училища по специальности «командир подразделения особой разведки». Он до сих пор смеялся, вспоминая о вступительных экзаменах: вехд-ар (сочинение), унилингва и три дополнительных языка (на выбор сдающего), физкультура. Сочетание требований для будущего разведчика выглядело исключительно комичным.

Ага, вот и лифт.

Больше всего на свете он хотел бы остаться. Но миг, когда на «Нейраме» объявился лидер-антис Нейрам Саманган, усопший, оплаканный и прославленный – в облике слюнявого идиота, который хочет манной каши... Что-то сломалось в душе Гива. Давно лишенный иллюзий, он вдруг по-

нял: всему есть предел. Он один раз встретил живого покойника. Хватит.

Второго раза не будет.

Пусть умалишенного антиса ловят другие. Из благих побуждений? – допустим. Из соображений гуманности? государственной безопасности? – ладно. Лейтенант Шенбелид написал в рапорте: прошу предоставить мне краткосрочный отпуск для восстановления сил. А следовало бы написать: в связи с тем, что я не верю в ваши благие побуждения. Ни капельки не верю. Я помню слезы полковника Сагзи, когда он смотрел на воскресшего Нейрама. Это были слезы стыда. Значит, полковнику есть, чего стыдиться.

Значит, остальное – без меня.

– Доброго огня!

У входа ждали братья Хушенги. Они встречали группу Бижана в космопорте. Смуглые, скуластые, как большинство тирян, братья подчинялись лично сатрапу Пиру. Они даже приходились сатрапу какой-то дальней родней; впрочем, как и полковник Сагзи.

– Хочешь жвачку? – спросил младший, мерно двигая челюстями.

– Мятную?

– Абрикосовую.

– Хочу.

Старший вытряхнул из надорванной пачки себе на ладонь желтую горошину. Без замаха швырнул Гиву: тот поймал

жвачку на лету и сунул в рот. Вкусно. С кислинкой. И освежает. Надо будет купить в городе, про запас.

– Пошли.

Снаружи стоял мобиль с открытыми дверцами. Гив бросил сумку в салон и, забираясь следом, почувствовал слабое головокружение. Это от жары, подумал он. Выйди из дома с кондиционерами прямо в летний зной – у кого хочешь голова закружится.

Он улыбнулся и умер.

Хушенг-старший, только что отравивший лейтенанта порцией фтортоксина, сел за пульт управления мобилем. Хушенг-младший помог трупу опуститься на сиденье: так, что даже следящие камеры не зафиксировали бы признаков неестественности. Потом младший разместился бок-о-бок с покойным барабанщиком; жук сложил крылья, стал кашалотом – и ринулся прочь от дома.

Смерть есть зло. Жизнь – огонь и пламя, смерть – пепел и зола. Даже ближайшим родственникам покойного не рекомендуют прикасаться к «угасшему» мертвецу. Но братья Хушенги ставили долг службы превыше всего. Оба прошли спецкурс насасаларов – мойщиков трупов, приобретя соответствующие навыки, а вскоре и удостоверения членов Цеха могильщиков. Это плохо сказывалось на внутреннем огне, зато позволяло без помех справляться с деликатными поручениями начальства.

Долг требовал жертв, и получал их.

– Я записал партию, – сказал в глубинах здания гитарист Заль, выключая микро-планшет. «Йети» потянулся, хрустнув суставами, и откинулся на тахту. – Вернется Гив, доиграем.

Бижан кивнул, насвистывая «У моей девочки дурной характер».

Гитарист знал, что означает этот сигнал.

«Молчи и будь осторожен».

*Террафима, космопорт Эскалоны,
36-й посадочный сектор, «Этна»*

– Я здесь, мой консул, – сказал Тумидус.

Рамка, укрепленная на стене капитанской каюты, наполнилась млечностью опала. По матовой белизне шли разводы, легкая рябь. Помехи быстро исчезли, изображение стабилизировалось. В рамке, очень похож на собственный портрет, появился Тит Макций Руф: императорский наместник на Квинтилисе, в прошлом – второй консул Октуберана.

– Как здоровье, гард-легат? – спросил он.

– Спасибо, я вполне здоров, – Тумидус позволил себе легкую иронию. – За исключением одной мелочи: я больше не легат. Я в отставке.

Наместник пожал плечами.

– Так ведь и я давным-давно не консул. Время идет, мы меняемся. Линия защищена?

– Насколько это возможно. Я говорю с «Этны». Ремонт завершен, завтра галера покинет Тетрафиму.

– Куда собираешься лететь?

– Еще не решил. Я – вольная птица, в средствах не стеснен. Куда хочу, туда лечу. А что, вы надумали предложить мне парочку государственных тайн?

В молодости Титу Макцию Руфу говорили, что он хорош собой. Это было следствием не столько правильности черт лица и гордой осанки, сколько результатом природного обаяния. С возрастом наместник стал чуточку сутулиться, обзавелся брюшком, вторым подбородком, мешками под глазами. Кожа лица огрубела, покрылась морщинами. Но Руф-старший, в отличие от многих государственных деятелей, не соглашался лечь под лазер пласт-хирурга.

Обаяние – вот что не изменило ему с годами.

Стоило наместнику лукаво прищуриться, и любой попадал в его сети.

– Гай, мальчик мой, ты прав. Я не скажу ничего такого, чего не смог бы повторить на суде, под присягой.

Он заметил, что собеседник вздрогнул при одном упоминании о суде, и сменил тему.

– Мы не первый день знакомы. Когда ты был курсантом военно-космической школы на Китте, кому ты сдавал тактику орбитального боя? Легату Руфу. Когда ты, молодой оберцентурион, жег вехденские «каребы» в созвездии Дикого Жеребца, кто отдавал тебе приказы? Второй консул Руф. Ко-

гда ты получил триумф за высадку на Малой Туле, кто приветствовал тебя с трибуны? Наместник Руф. Мальчик мой, ты же понимаешь, что я дурного не предложу?

Тумидус кивнул.

– Да. Вы предложите мне вернуться на военную службу. В этом нет ничего дурного.

– Отлично. Значит, ты согласен?

– Нет.

Ответ совершенно не вязался с обстановкой каюты. Все имперские орлы, сколько их тут ни было, с осуждением смотрели на дезертира. Казалось, еще миг, и хищные птицы взмахнут крыльями, отпустят змей, которых держали в когтях, и сорвутся отовсюду: со стен, с потолка, со штандартов и резных дверей бара – заклевать, разорвать в клочья...

– Я понимаю, ты обижен. Тебя силой отправили в отставку. На твоём месте я бы тоже отказался вернуться. Наши особы, не желая выносить сор из атриума, часто балансируют на грани паранойи. Я гарантирую, что при возвращении на службу тебе принесут все возможные извинения. Ну как?

– Дело не в обиде, мой консул.

Гай Октавиан Тумидус прошел к бару, налил себе бокал «Эпулано» и демонстративно пригубил, жестом показав, что пьёт здоровье наместника. Руф-старший, человек умный, наверняка понял: этим собеседник хочет показать свою безусловную «штатскость».

– Дело во мне. Я больше не соглашусь на «десятину».

– Легат, – поправил Руф, – теряет всего три процента личной свободы.

– Ни одного. Полпроцента, сотая часть – нет.

Он ожидал взрыва эмоций. Глобального разноса. Рассуждений о том, что личное должно отступать, когда империя зовет. Он ждал, внутренне готов к сражению, и не дождался. Тит Макций Руф смешно наморщил нос, словно хотел чихнуть, и вдруг расхохотался.

– Гай, малыш, ты неподражаем. Думаешь, я не предполагал такого ответа заранее? Я знаю о тебе все. Даже то, чего ты сам не знаешь. Ты уже раскидал «ботву», хранящуюся в трюме твоей галеры? Мне докладывали, на рынке «Чвенгья» упали цены: слишком большая партия свежачка рухнула в тамошние соты.

– Я ремонтировал галеру, мой консул. А потом лежал в госпитале.

– Ну да, конечно. Ты был на виду. А трудяга Марк Славий через «Грузовые перевозки Катилины» перебрасывал нелегальную «ботву» к Сигме Змеи, на Оуангу. Гай, я зубы съел на этих играх. Иначе ни за что не разрешил бы своей дочери примкнуть к твоей вольнице. Ладно, оставим пустую болтовню. Что ты скажешь о восстановлении в чине легата при полном сохранении личной свободы?

– Так не бывает.

– Ошибаешься. Что ты слышал о ситуации на Михре?

Было трудно сохранять спокойствие. Наместник лавиро-

вал, стремительно меняя курс беседы, как гонщик-слаломист в поясе астероидов. Тумидус сосредоточился, вспоминая, что говорили в новостях про михрянскую заварушку.

– Мятеж сепаратистов, – начал он, тщательно подбирая слова. – Власть в ряде ключевых областей захвачена силой. Заявлено о создании независимой Михрянской республики. Миротворческим силам Лиги выражено недоверие.

– Молодец! Я чувствую, в госпитале тебе подключили не капельницу, а внешний коммуникатор. Что еще?

– Республиканцы обратились в наш сенат. Полагаю, это еще один камень, брошенный в сторону кея Ростема I.

– А зачем им понадобился наш сенат?

– Они хотят ввести вместо «лигачей» ограниченный контингент наших войск.

– Вот! Для защиты завоеваний свободы и демократии. 2-я и 3-я эскадры Первого Квинтилианского галерного флота, усиленные легионом штурмовиков, через несколько дней выйдут на дальнюю орбиту Михра. Наши корабли в сердце державы вехденов! Тебе объяснить, что это значит?

Нет, легат не нуждался в объяснениях. Боевой офицер, он мог по достоинству оценить дар политической судьбы – марионеточную республику в системе Йездана-Дасты.

– Вы хотите, чтобы я принял командование над штурмовиками?

– Не хочу. Штурмовой легат при любом раскладе жертвует частью личной свободы. А ты категорически против такой

жертвы.

– Над одной из эскадр?

– Мимо. Ты стал медленно думать. Это плохо.

– Над всем контингентом?!

– Для этого надо быть военным трибуном. Надеюсь, однажды ты получишь трибунский жезл, но не сейчас. Мальчик мой, миротворческий контингент обойдется без легата Тумидуса. Уж извини старика за прямоту. Мне нужен свой человек на Михре.

Тумидус терялся в догадках. Наместнику понадобился разведчик? Шпион? Тогда он обратился не по адресу. Доверенное лицо? Вряд ли. Для политических игр скорее подойдет хитрый и изворотливый дипломат.

– О чем идет речь?

– Республиканцы просят выслать к ним военного советника. Исходя из дружественных отношений, руководствуясь взаимным стремлением, в целях укрепления обороноспособности. Ты был первым, о ком я вспомнил. Итак, возвращаемся к началу разговора. Я предлагаю тебе восстановление в чине легата, полную свободу личности и должность военного советника на Михре. Ты же обеспечишь строительство нашей наземной базы в указанном районе. Посадочно-стартовый комплекс, командный пункт, казармы, бараки для рабов, технические службы... Заодно начнешь мелькать в новостях, заверяя всю Галактику сверху донизу в нашем исконном миролюбии. Сумеешь?

– Базу – да, – ответил Тумидус. – Миротворение – вряд ли.
Наместник подмигнул ему:

– Ясное дело. Ты и миротворение – антагонисты. Мне и нужно, чтобы наш военный советник всем видом противоречил собственным словам. Не спрашивай, зачем – это нюансы большой политики. Гай, нас ждут великие дела. Ты согласен?

Орлы каюты напряглись в ожидании.

– Да, – не подвел птиц легат Тумидус. – Согласен.

Тамир, администрация поселка рудокопов

– Вы хотите лично возглавить поисковую миссию?

– Да, Антоний.

Все, как в прошлый раз. Кабинет покойника-альгвасила, решетка на окне, Юлия Руф – и мужчина напротив. Только вместо мужиковатого тамирца в кресле сидел Антоний Дец, хмурый и сосредоточенный, будто хирург перед сложной операцией. В свое время отец Юлии, тогда еще – второй консул Октуберана, приставил его к дочери, потому что доверял.

Немногие удостоивались доверия Тита Макция Руфа. Менее десяти человек догадывались об этом, делая выводы из слов и действий патрона. Антоний был единственным, кому Руф-старший сказал прямо:

– Тебе я доверяю.

С тех пор в шесте личной охраны Юлии то и дело просыпа-

лась нянька. В такие минуты он становился невыносим. Убедить его, приведя серьезные аргументы, было еще можно, но заставить силой – нет. На людях – преданный телохранитель дочери, Антоний формально, по документам, оставался человеком отца. Он хорошо знал, что властная, энергичная, вполне совершеннолетняя помпилианка в связи с расстройством психики – итогом неудачной антизации – до сих пор не смогла юридически оформить эмансипацию: уход из-под отцовской опеки.

Это случилось сразу после развода. Муж оставил Юлию, заявив, что женщина, давшая согласие на безнравственный и противоестественный эксперимент – выродок, и хорошо, что у них нет детей. Он даже собрался сделать заявление для прессы, но с ним побеседовали с глазу на глаз, и бывший муж передумал. Брачный контракт расторгли без лишней огласки.

А наместник повторно взял обезрабленную дочь под опеку.

Да, Руф-старший имел над дочерью власть. Хотя и не злоупотреблял опекой без нужды. Частицу этой власти он передал Антонию Децу. Иногда, оставшись с Антонием наедине, Юлия со злой иронией шутила: хотела, мол, стать исполином, а стала – «десятинщицей». Шутку Антоний не принимал, отмалчивался и старался подчеркнуть свой скромный статус охранника.

– Это опасно, госпожа.

– Почему? Я хочу найти Лючано Борготту, не более.

– Перед отлетом с Тетрафимы я имел разговор с легатом Тумидусом. Кстати, он теперь – военный советник на Микре. Из беседы я вынес одно: с Лючано Борготтой лучше не ходить в разных концах Галактики.

– И это ты говоришь, получив от него мои координаты?

– Именно поэтому. Сами видите: я был на Тетрафиме, вы – на Тамире, а Борготта, судя по коду сообщения – на Тире. И все завершилось благополучно. Я здесь, вы свободны, Борготта – далеко. Находись он рядом, на нас свалилась бы масса проблем. Вплоть до взрыва сверхновой.

Юлия принялась нервно ходить из угла в угол.

– Ты ничего не понимаешь, Антоний. Это мой единственный шанс. Я уже говорила тебе: на «Нейраме», когда он пытался расшевелить роботизированного антиса... – женщина побледнела: воспоминания, даже ослабленные временем, действовали ей на нервы. – Борготта умудрился вовлечь в процесс всех, кто оказался рядом. В частности, он снял мне *шелуху*.

– Вы говорили, – подтвердил Антоний, спокойный, как статуя. – Извините, я не верю. В отличие от других энергетов, теряющих *шелуху* во время реализации своих расовых энерго-свойств, мы, помпилианцы, контактируем с рабами без дополнительного расширения сознания. Что, на мой взгляд, говорит в нашу пользу. Мы теряем *шелуху* редко, взаимодействуя с равным, с обладателем «клейма» – в частности, на

дуэлях.

Это было правдой. Имея докторскую степень в области социостратегии, Юлия разбиралась в расовых особенностях энергетов. То, что на жаргоне звалось *шелухой*, в научном мире именовалось по-разному: расширением сознания, галлюцинативным комплексом, вторичным эффектом Вейса... В любом случае, суть предмета не менялась. Вехдены, работая с «внутренним огнем», брамайны, реализуя накопленный аскезой жар, вудуны, используя возможности Лоа живой и неживой материи – все энергеты в такие моменты помимо реальности, данной в ощущениях, воспринимали еще и псевдо-реальность.

Не всякий раз: по статистике, в трех случаях из пяти.

Звездолет становился весельной галерой. Мегаполис – древним городищем. Космос – степью, где скакали всадники в косматых шапках. Кабина мобиля – алтарем храма. Курортный санаторий – джунглями, и темнокожие дикари плясали вокруг идола, вымазанного кровью.

– Мой мудрый, предусмотрительный страж, – мимоходом Юлия погладила шефа охраны по щеке. – Моя защита и опора. Хочешь, я скажу тебе то, чего ты не знаешь? Да, ты прав: мы, помпилианцы, редко теряем *шелуху*. Только при прямом контакте двух «клеим». Зато с нашими рабами это случается гораздо чаще. На «веслах» галеры, в аккумуляторной завода, везде, где они служат источником энергии... Вторичный эффект Вейса – участь рабов. А теперь скажи, мудрый Ан-

тоний: кто из нас – энергеты?

Она остановилась, наматывая на палец длинную прядь волос.

– Мы – или они?!

– Я не желаю участвовать в подобных диспутах, – Антоний насупился, став похож на обиженного ребенка. – Вы с детства отличались легкомысленностью и неуважением к святыням. Ваш досточтимый отец...

– Оставим моего отца в покое. Вернемся к главному. На «Нейраме» смешной невропаст чуть не разбудил антиса, которого я полагала роботизированным до конца его дней. Этот же невропаст снял мне *шелуху*. Ничуть не хуже, чем при контакте «клейм». Я, наверное, никогда этого не забуду: башня, костры-вехдены, рыболовные крючки на концах моих волос... Проклятье! Я чувствовала себя, как во время кризисного приступа!

Женщина с трудом удерживала себя в руках. Юлия походила на смертельно больную, которую обнадежили чудесным лекарством. И вот – врач уехал в командировку, никто не знает, где он спрятал лекарство, никто не верит, что оно вообще существовало, и за врачом бежать не пускают...

– Клянусь тебе, это фактически был приступ! Но без негативных последствий. Когда Борготта прекратил свои действия, я оставалась в норме. Хотя минуту назад чувствовала, что захватываю экипаж «Нейрама» в зону моего влияния. И еще: да, мы чуть не сгорели в огне пробуждающегося антиса.

Мы стояли на грани гибели. Но сейчас, вспоминая те ощущения, я готова поклясться, что не испытывала в жизни ничего более прекрасного. Из меня не смогли сделать помпилианского антиса. Меня просто изуродовали. А тогда, в рубке искалеченного корабля, я на миг поверила, что я, Юлия Руф – настоящий, полноценный антис!

– Итак, вы утверждаете, – не торопясь, начал Антоний, – что невропаст Борготта почти ликвидировал у Нейрама Самангана последствия роботизации. Что он снял вам *шелуху*, а затем спровоцировал приступ, избежав негативных последствий. Знаете, я – человек приземленный. Чудеса меня раздражают. Мне легче поверить, что вы попросту влюблены в этого Борготту. Так влюблены, что готовы нестись за ним через всю Галактику. Я прав?

Час назад, когда «Герсилия» приземлилась на Тамире, а Антоний едва не довел помощника альгвасила до инфаркта, подробно объясняя, что сделает с детиной по суду и без, Юлия готова была расцеловать шефа охраны. Сейчас она скорее убила бы его за грубоватую прямолинейность.

Жизнь Антонию спас знакомый помощник альгвасила.

– Простите, госпожа Руф! Мне надо...

Запыхавшись от бега, он активировал сферу внешней коммуникации. Тыча в сенсоры, сбросил на визор данные камер, установленных на крошечном здешнем космодроме. От помпилианцев детина ничего прятать не стал. Похоже, режим секретности тяготил его ничуть не меньше, и он втай-

не обрадовался разрешению ситуации.

В сфере возникла толпа. Казалось, весь поселок собрался поглазеть на удивительный корабль. Похожие на сугробы, в лохматых шапках, шубах и тулупах, тамирцы окружили яхту, похожую на сегментарный куб. От возбуждения люди чуть ли не подпрыгивали на месте, громко обсуждая потрясающие достоинства «гостыи».

На гранях сегментов медленно гасли знаки и цифры, составляющие гематрицу «маневровой цепи». Для обратного пути яхту придется «форматировать» заново. Это, конечно, если торопливый богач-яхтсмен захочет и дальше рисковать своей головой.

– Кто бы это мог быть? – потрясен, ахнул детина.

Юлия не спешила отвечать. Она дождалась, пока трап-антиграф спустит на землю двоих: пожилого гематра, закутанного в соболя, и голема в летнем костюме. Голем шел первым, пританцовывая, не обращая внимания ни на толпу, ни на лютый холод. Он не делал ничего особенного, просто двигался балетным шагом, улыбаясь направо и налево. Но толпа рывками расступалась перед ним, словно микро-прикосновения голема отшвыривали тамирцев лучше, чем удар кулака.

В образовавшемся проходе без помех шествовал гематр.

– Идите встречайте, – велела Юлия детине. – Это Лука Шармаль, финансист.

Детина побагровел.

– З-зачем? Он-то зачем?!

– За внуками, – неприятно усмехнулась помпилианка. –

Ладно, тут мы еще поборемся...

Глава третья

Дань памяти

I

– Пожалуйста, дайте руку. Мне надо вас заново идентифицировать.

Офицер-пограничник издевался, не скрывая этого. Со всем еще мальчишка, гололицый, лопоухий, аккуратненький до отвращения, в новеньком, с иголочки, мундире, он благоухал дешевым одеколоном «Бриз», словно третьесортная шлюха.

Одна радость, что глумились не над Тартальей. Инорасец республиканцев Михра не интересовал. Ладонь на идентификатор, бегом через рамку детектора, небрежный досмотр личных вещей – и радужный шарик визы обрел законное место в паспорте. Документ кукольнику состряпали за час в канцелярии сатрапа. Служба расовой безопасности свое дело знала – фальшивка подозрений не вызвала.

– Рады приветствовать вас на независимом Михре! – буркнул офицерик, предвкушая грядущую поживу. – Обождите своих спутников здесь.

Ожидание затягивалось. Отсек орбитальной станции, где

проходил досмотр, был тесноват. Дюжина Фарудовых людей стояла едва ли не вплотную. Самого Фаруда мальчишка вертел уже по третьему кругу. Его приятели-таможенники тем временем усердно потрошили багаж делегации, сверялись с какими-то бесконечными списками, делали запросы по коммуникатору и, зевая, ждали ответа. К недавним согражданам здесь относились без дружелюбия. Искали малейший повод отказать в визе. Придирались ко всему – с елейной, утрированной вежливостью.

Такая учтивость раздражала сильнее откровенной грубости.

– Да, борец. Нет, не с режимом. Заслуженный мастер спорта, судья планетарной категории, – в десятый раз, с терпением акуст-линзы повторял Фаруд. Полковник с утра надел красно-желтый спортивный костюм, украшенный на спине эмблемой национальной сборной: два языка огня в кольце. – Член президиума Тирской федерации борьбы. В прошлом – ученик Мансура Гургина. В вашей базе записано.

Он ткнул пальцем в планшет таможенника.

– Попрошу в мой планшет не заглядывать! – возмутился офицерик, багровея. Напускной лоск юнца дал глубокую трещину. – Это служебная информация! Понаехали тут... Цель вашего прибытия на Михр?

Въедливость михрян, скажем прямо, имела под собой почву. От «борцовской» делегации за парсек тянуло душком. Но зацепиться за что-нибудь конкретное служакам не

удавалось, хоть в лепешку расшибись. Они злились и затягивали процедуру до бесконечности.

– Как я уже неоднократно сообщал, цель нашего приезда, – Фаруд остался невозмутим, – почтить память Мансура-аты. И, поскольку дом-мемориал оказался разрушен, установить в районе пепелища доставленный нами памятник. Памятник в грузовом отсеке, ваша таможня его в данный момент изучает. С особым, замечу, пристрастием.

– Не надо мне рассказывать, что делает наша таможня! У них свои обязанности, у меня – свои. Почему вы решили посетить Михр именно сейчас?

– Как я уже имел честь вам трижды докладывать...

Разговор пошел на очередной круг. Вдохнув, Люча-но принялся глазеть по сторонам. В отсеке не было особых достопримечательностей, кроме проявлений исконного вехденского гостеприимства. Стенные панели из полимера, дверь, заблокированная личным кодом погранца; шесть неудобных кресел, одно из которых Борготта оккупировал. Внешние обзорники отсутствовали, лишая Тарталью возможности полюбоваться орбитальным пейзажем.

Он еще не до конца пришел в себя. Словно кто-то другой, запертый в арендованном теле, подвергался досмотру, отвечал на вопросы, а теперь, скучая, ожидал конца гнусной тягомотины.

Вспоминать полет на Михр и вовсе не хотелось.

— ...в тюрьме кололи.

Начало фразы память не зафиксировала. Оказывается, он уже какое-то время разговаривал с лохматым гитаристом. О чем шел разговор, Лючано не знал.

— Круто! — Заль от восторга цокнул языком. — Первый раз такое встречаю! «Классика», полноцвет, «анимульки», многослойки — разное видел. Но чтоб размер меняла? Обалдеть!

Мрачней ночи, Лючано скосил глаз на свое правое плечо: «Что еще учудило творение Папы Лусэро?» — и обнаружил, что сидит голый. Лишь чресла для приличия обернуты махровым полотенцем. Наряд «йети» выглядел точно так же; от гитариста кукольник отличался только татуировкой.

Она покрывала его целиком.

Змеи-щупальца любовно оплели руки до запястий и ноги до щиколоток. На туловище они свивались в диковинные узоры, образуя замысловатую сеть. Сейчас эта сеть мало-помалу сжималась, истончалась, втягиваясь в «кублo» на правом плече. Весь процесс возвращения антического чуда в исходное состояние занял не более пяти минут.

Вехден, как замороженный, наблюдал за метаморфозами татуировки.

«Верно мыслишь, малыш. Антическое чудо! Едва флуктуация начинает своевольничать...»

«Я бы плясал с другого конца, — возразил Гишер. — Сеть покрывает твоё тело, дружок, при захвате власти „подселенцем“. Зачем нужна сеть? Удержать, не дать вырваться на сво-

боду...»

Оба альтер-эго говорили правду. Подарок слепого карлика старался обуздать растущую мощь пенетратора. Но силы неравны. Бабочка однажды разорвет кокон и улетит. Не жалким паутинкам, пусть даже с втертым в них антическим *шлагом*, удержать межзвездного странника.

– Обсох? Идем, скоро посадка; то бишь стыковка. Михр, зараза, посадки не дает. Будем досмотр на орбите проходить. Дожили! Своих же братьев-вехденов...

Они сидели в «сушилке», примыкающей к душевой. Волосы у Лючано до сих пор были влажные. Ну, слава богу! А то невесть что в голову лезет. Мало ли, какие у пенетратора могут оказаться наклонности?! Чужое тело, страсть к экспериментам; ты, понимаешь, ни сном ни духом, а тебя уже...

Заль открыл ближайшую ячейку и начал одеваться.

– Ты не помнишь, куда я свою одежду повесил?

– Память у тебя дырявая, приятель. Шестая ячейка. Смотри, планшет не забудь.

– Не забуду...

Планшет? Какой еще планшет? Ага, вот он. Незнакомый, в чехле из натуральной кожи, с «кусачкой» для ношения на поясе. Нервничая, Тарталья запустил планшетный «блиц» – и тут же, первым в списке документов, обнаружил контракт на услуги, заказанные Пиром Саманганом. Подпись невропаста Борготты присутствовала в конце договора, напротив личной печати сатрапа. Проклятье, она нагло хохотала в ли-

цо каждой завитушкой, эта подпись! Не требовалось графологической экспертизы, чтобы убедиться: оригинал, не подделка.

«Сволочной „подселенец“! Его работа – больше некому...»

Если в прошлый раз, перехватив контроль, флуктуация хотя бы следовала невысказанным пожеланиям носителя, то теперь она сделала все точь-в-точь наоборот! Поди докажи теперь, что контракт ты подписывал не доброй волей... Стоп! Что сказал Заль? Стыковка? Досмотр? Мы готовимся к высадке на Михр?!

Захотелось взмыть на всю Галактику.

Ну конечно – договор вступил в силу, и они без промедления стартовали. Даже в душ пришлось идти уже на борту, так спешили взлететь. Глупец, наивный дурачок, ты ввязался в эту гадскую авантюру, и поздно сдавать на попятный! Куда сбежишь из звездолета?

«А раньше ты мог сбежать? – хмыкнул Добряк Гишер. – Вот и не надувай щеки...»

Выйдя из «сушилки» за гитаристом, он миновал коридор, отделанный роскошным аурупластом «под бархат», и очутился в кубрике, где собрался добрый десяток вехденгов в одинаковых спортивных костюмах. Красно-желтая ткань, пластичные вставки; эмблемы с огнем...

Двое поднялись навстречу.

– Эй, вы куда?

- В душ.
- Полчаса до стыковки.
- Успеем.
- Ладно, давайте...

Лючано посторонился, пропуская «спортсменов»; поднял взгляд... И едва не шарахнулся прочь, вопя: «На помощь!» Мимо него, жуя жвачку, шли братья Хушенги!

«Убийцы...»

Бедняга Гив. Он всего лишь хотел уйти в отпуск. А в итоге уехал вместе с братьями, сидя на заднем сиденье мобилия – бессловесный, безопасный труп, напичканный отравой. Куда увезли Гива? На свалку? В трущобы, где покойника найдут в канаве и спишут без следствия?

В кислотный утилизатор?

И главное, чувствительный синьор Тарталья: тебе-то какое дело? Барабанщик участвовал в твоём похищении, избил тебя до полусмерти... хотел застрелить... на своем горбу, рискуя жизнью, вытащил из «вакуумной зоны»... бок-о-бок вы под огнем прорывались к спасботу...

«Он заслонил меня на трапе в космопорте!»

Погибни вспыльчивый барабанщик в бою – Лючано, наверное, так не переживал бы. Ты стреляешь, в тебя стреляют, кому-то повезло, кому-то – нет. А тут – прилетел человек домой, называется... И ведь не расскажешь никому, даже не намекаешь! Он и фамилии-то Хушенгов знать не должен...

– С тобой все в порядке?

На плечо легла рука Бижана.

– Ага. Лучше не бывает. Это я песню вспомнил...

Чувствуя, что идет по краю пропасти, и не в силах остановиться, Тарталья начал высвистывать древний блюз «У моей девочки дурной характер». Сбился на четвертом такте; начал снова. Мелодия не давалась. Рот пересох, свист походил на шипение. Бросив изображать кривой свисток, он продолжил голосом.

Хорошо, хоть слова не забылись:

– Говорят, у моей девочки дурной характер,
Издаются: у крошки, мол, дурной характер –
Слышишь, мама, эти парни только что из буцыгарни,
А горланят, что у девочки дурной характер!
А я все смеюсь над ними: дураки!

Бижан уставился на новоявленного блюзмена, словно призрака увидел. О чем думал в этот момент трубач, неизвестно. Но когда Лючано сбился во второй раз, вехден поднес к губам кулак, накрыл его ладонью – и в кубрике запела труба «под сурдинку».

Смешной, надтреснутый звук.

– На себя-то посмотрите: золотой характер?
У самих-то, значит, сахарный, святой характер?
Слышишь, мама, эти дурни только что из винокурни,
И ворчат-бурчат, как старый заржавелый трактор,

И орут, как злые жабы у реки.

– Bravo! – восхитился Фаруд, и сразу замолчал, не желая мешать. Потому что к хрипуну-певцу с трубой добавилась гитара: Заль тоже умел подражать звуку любимого инструмента.

По спине пробежал легкий холодок. Блюз, хриплый и нелепый, звучал так, словно осиротевшее трио, не умея иначе, отпевало четвертого – барабанщика Гива. Призрак стоял напротив, улыбался и стучал ладонями о спинки кресел. У моей девочки дурной характер, но это – моя девочка...

Сигнал: «Молчи и будь осторожен».

Знак, которого Лючано знать не мог.

– Говорят, у моей девочки собачий норов,
Справедливо, мол, у сучки – и собачий норов,
Слышишь, мама, эти шклюцы и пришлѣпнуты, и куцы,
А сочувствуют: «Как, брат, ты терпишь девкин норов?
Как ты только это терпишь, брат?»

Остальные члены «спортивной делегации», что называется, ловили кайф. Маэстро Карл называл такое поведение зрителей: «кач». Вехдены поводили плечами, в ритм щелкали пальцами, раскачивались и притоптывали ногами. Ковролин глушил звук, но все равно приятно. Чувствуешь себя ловким чечеточником на гулкой сцене.

Впрочем, публику в «каче» тот же маэстро звал не публи-

кой, а «понтярой».

Казалось, мертвый барабанщик превратил живых в ударную установку. Басы и томы, подвески и напольные, перкуссионно-волновой форматор, секвенсор, мультиэффектор – не люди, инструмент для вернувшегося Гива. Жаль, братья Хушенги ушли в душ, а то и на них бы сыграли.

Ничего, успеется. Мертвецам время – пустяк.

Лючано очень хотел спросить у барабанщика: «С тобой – ясно, а вот что случится со мной? Убьет меня Бижан Трубач за провокацию, или возьмет в свою команду, вернув чин капрала?» Вопрос вертелся на языке, а получался блюз. Потому что главное – петь блюз. Не растерять слова, не замолчать.

Остальное – мишура.

Когда в тебе готовится «с вещами на выход» созревший пенетратор, многие вещи, еще вчера значимые, превращаются в рассыпанное по полу конфетти.

– Я в глаза им улыбаюсь: пусть собачий норов,
Крошка – гончая стрела, а ты – вонючий боров,
Слышишь, мама, это рыло всем нам истину открыло,
Эта туша в курсе споров про собачий норов,
Этот штымп желает мне добра!

До стыковки оставалось двадцать пять минут. Блюз скрашивал время ожидания. Когда он закончился, полковник Сагзи зааплодировал первым.

II

Посадочный челнок выглядел компактным и малогабаритным. Однако вместимость его могла поспорить с емкостью корзинки Безумного Шутника из детского интерактивного анимсера «Пикник в аду». В каждой серии Шутник вручал неудачников, угодивших в Бесов Завал или под плевики Чудо-Грымзы, одаривая их грудой полезных артефактов, хранившихся в корзине.

Группа полковника Сагзи явно шла по стопам спасителя детей.

Из челнока, зависшего в метре над землей, уже выгрузили каркасы пяти сборных коттеджей, механического крабопаука-сборщика, пищевые брикеты, два контейнера с мебельными трансформерами, вездеход «Дромадер», кучу ящиков с неизвестной маркировкой и печатями михрянской таможни; тюки с ритуальной одеждой...

Распахнув пасть грузового люка, «жемчужина» микро-кораблика казалась бездонной. В вирт-новостях мелькала информация, будто гематрийские физики наконец проникли в пятое измерение континуума на макро-уровне. И не за горами практическое использование их разработок. Может быть, вехдены опередили гематров? Вот она, «жемчужинка», в недрах которой легко уместится население целой планеты, как мечтал некий помпилианец Флавий с «Этны»!

Лючано задрал голову, пытаясь высмотреть в небе корабль-матку, доставивший их на орбиту Михра. Но, естественно, ничего не увидел. Зато раньше, когда челнок выскользнул из чрева «матки», совершая посадочный маневр, он глянул на обзорник – и у него буквально отпала челюсть. Знакомый изумруд-исполин, которым Тарталья имел счастье любоваться в Андаганском космопорте, блеснул рядом, идеально вписавшись в оправу кольца орбитальной станции.

Золотая «канитель», обрамлявшая гигантский кристалл, оказалась стыковочной системой, сращивая корабль со станцией.

– Это ваш звездолет? Мы на нем летели?! – ахнул Лючано.

– Наш!

В голосе младшего Хушенга звучала неподдельная гордость.

– Престиж-флагман Тирской федерации борьбы.

«Вот тебе и „иридиевая королева“, малыш! – не преминул уязвить маэстро Карл. – Сразу видно: спорт у вехденов в почете... Какие же магнаты покровительствуют Тирской федерации борьбы?»

Имя одного из магнатов-покровителей кукольник знал наверняка.

Выгрузка продолжалась. В проеме возник громоздкий колосс, задрапированный серебристой металлотканью. «Памятник Гургину», – догадался Лючано. С памятником вышла заминка: то ли автоматика дала сбой, то ли оператор за-

мешкался. Оказавшись снаружи, монумент, удерживаемый полем, заколебался в воздухе невесомым ангелом, размышляя: спускаться на грешную землю, или нет? Ветер рванул ткань, отшвырнул в сторону на манер плаща, а там и сдернул вовсе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.